

В. Бондарчик
А. Федосин

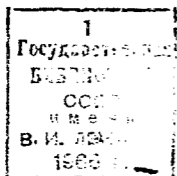
Б 65-28
654

А. К. Сержпутовский

*Научный редактор—
академик АН БССР
П. Ф. Глэбно*

Минск 1966

В очерке рассказывается о научной деятельности крупного белорусского этнографа и фольклориста Александра Казимировича Сержпутовского. Ученый много сделал в области изучения жизни белорусского крестьянства, его материальной и духовной культуры. Труды Сержпутовского, многочисленные статьи, сборники белорусских сказок и других фольклорных произведений вошли в золотой фонд белорусской этнографии и фольклористики.

Характеристика основных научных трудов А. К. Сержпутовского дается в тесной связи с достижениями этнографической науки и фольклористики того времени, в которое жил и работал ученый. Значительное место отводится анализу собранных А. К. Сержпутовским фольклорных произведений.

Книга рассчитана на этнографов, фольклористов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, учителей средних школ.

7-2-3
-66-М

Введение

Научная деятельность А. К. Сержпутовского охватывает конец XIX—первые четыре десятилетия XX в., до предела насыщенные крупными историческими событиями. Это был период решительной ломки старых социально-экономических и политических устоев и построения нового, социалистического общества в нашей стране.

В области наук, в частности в этнографии и фольклористике, в это время происходит острая политическая борьба, которая уже в дореволюционное время привела, с одной стороны, к усилению демократических и прогрессивных тенденций, а с другой—к кризису буржуазной науки; в годы же советской власти в этнографии и фольклористике утверждается марксистско-ленинская методология.

В начале XX в. значительно возрос общественный интерес к быту, культуре и условиям жизни народа. Это было вызвано новым подъемом общественного и революционного движения в России, всем ходом революции 1905—1907 гг. На окраинах России, и в частности в Белоруссии, революционное движе-

ние сливалось с национально-освободительной борьбой народа, что приводило в известной мере к более активному развитию национальных культур.

В. И. Ленин указывал, что если для западноевропейских государств национальное движение было пройденным этапом освободительной борьбы, то для Восточной Европы в условиях буржуазно-демократической революции оно представляло собой прогрессивное явление.

«Для украинцев и белорусов, напр.,—писал В. И. Ленин,—только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой—(а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи)—здесь *еще* совершается. «Отечество» здесь *еще* не спело всей своей исторической песни. «Защита отечества» *еще* может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья...»¹

Национально-освободительное движение и революционные события начала XX в. оживили краеведческую работу в Белоруссии. Основное место в ней заняло изучение быта и устнопоэтического творчества народа. В Белоруссии создается ряд обществ и кружков. В апреле 1902 г. открывается общество по

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 27—28.

изучению Могилевской губернии. В это же время предпринимается попытка восстановления Северо-Западного отдела Русского географического общества. Правда, учреждение его затянулось до 1910 г. В 1912 г. создается Минское общество любителей естествознания, этнографии и археологии, позже Витебское и ряд других обществ и кружков. За изучение родного края активно взялись студенты белорусского землячества Петербургского университета.

Наряду с известными исследователями быта и культуры белорусского народа Е. Р. Романовым, Е. Ф. Карским, Н. Я. Никифоровским, М. В. Довнар-Запольским, Н. А. Янчуком, В. Н. Добровольским, деятельность которых развернулась еще во второй половине XIX в., появляются молодые ученые и краеведы—А. К. Сержпутовский, И. А. Сербов, К. Т. Аникиевич и др.

Краеведением занимаются значительные круги местной интеллигенции. В ее среде находились замечательные белорусские писатели Я. Купала, Я. Колас, Тетка (Э. Пашкевич), Т. Гартный и многие другие, которые черпали материал для своих произведений непосредственно из жизни народа. Они записывали фольклорные произведения, изучали особенности быта и культуры белорусов, в своих произведениях отражали тяжелое положение трудящихся, призывали их на борьбу за социальное и национальное освобождение.

Прогрессивные этнографы и фольклористы начала XX в. прилагали немало усилий, чтобы защитить народ от нападков реакционе-

ров. В своих трудах они популяризировали богатство и самобытность белорусской культуры, «открывали» миру душу и высокие человеческие достоинства белорусов.

Представителями реакционного течения в этнографии были белорусские буржуазные националисты и русские великодержавные шовинисты. Если первые выдвигали теорию исключительности белорусской нации, якобы ничего общего не имеющей с происхождением восточнославянских народов, пытались оторвать белорусский народ от русского, проповедовали классовый мир и теорию «единого потока», то другие отрицали право белорусов на национальное развитие, отрицали наличие у белорусов своего языка, культуры и особенностей быта.

Изучая культуру своего народа, белорусские этнографы и фольклористы главное внимание обращали на собирание произведений устнопоэтического творчества и описание обрядовой стороны быта людей. Крупнейшими фольклорно-этнографическими сборниками этого плана являлись VI—IX выпуски «Белорусского сборника» и I—II выпуски «Материалов по этнографии Гродненской губернии» Е. Романова, IV часть «Смоленского этнографического сборника» В. Добровольского, «Белорусские песни-частушки» и «Нечистики» Н. Никифоровского и др. Был издан ряд общэтнографических работ, посвященных как отдельным районам, так и всей территории Белоруссии или крупным ее частям.

В белорусской этнографической литературе начала XX в. значительное внимание уде-

ляется вопросам этногенеза, этнического состава населения и этнографических границ. Этим проблемам были посвящены труды Е. Ф. Карского (II—VI главы I тома и часть первого выпуска III тома «Белорусов»), а также работы Н. П. Пештича, А. Ф. Риттиха, Т. Д. Флоринского. В начале XX в. разворачивается более широкое изучение материальной культуры и производственной деятельности белорусов. С этой целью научные общества и отдельные этнографы составляют и рассылают многочисленные программы для собирания материалов, характеризующих одежду, орудия труда и производственную деятельность населения. Значительно глубже изучается жилище белорусов. Среди работ, посвященных материальной культуре, следует выделить исследование А. Харузина «Славянское жилище в Северо-Западном крае» (1907 г.). Исследователями предпринимаются дальнейшие шаги, чтобы дать научный анализ собранным фольклорно-этнографическим материалам. Особая заслуга в этом направлении принадлежит Е. Ф. Карскому. В первом выпуске III тома «Белорусов» он анализирует важнейшие жанры белорусского фольклора и пытается проследить историю возникновения многих народных обычаев, обрядов и верований. Этот труд Карского сыграл большую роль в активизации местных сил на изучение родного края. Кроме того, Карский вел большую организационную работу по этнографическому изучению Белоруссии. Он был наставником и советчиком белорусских этнографов.

Таким образом, в начале XX в. белорусская

этнография сделала значительный шаг вперёд. Однако в силу того, что царское правительство стремилось всячески удержать этнографическую науку в рамках сухого академизма, чинило на пути ученых почти непреодолимые препятствия, интерес к изучению быта и материальной культуры народа в последующие годы заметно снижается, вследствие чего происходит отрыв этнографии от изучения жизни народа, от животрепещущих вопросов современности.

В период загнивающего капитализма для ученых, как указывает В. И. Ленин, наступило «отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития...»¹.

Накануне первой мировой войны усиливается наступление царизма на идеологическом фронте. За деятельностью научных учреждений и обществ устанавливается строгий надзор, научные труды подвергаются жестокой цензуре. Кризис белорусской этнографии усиливается. Это хорошо показано в письме прогрессивного белорусского этнографа Е. Р. Романова. В 1913 г. он писал академику А. А. Шахматову: «Наука здесь теперь не в авантаже.. Этнография еле терпитя, и в «Записках» Общества запрещено печатать произведения белорусской народной словесности, а выдающийся белорусский этнограф за свой последний том назван сепаратистом (имеется в виду том «Белорусов» Е. Ф. Карского). Кар-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 179.

хеологии же относятся с нескрываемым презрением...»¹

В научном наследии дореволюционного времени А. К. Сержпутовскому принадлежит одно из почетных мест. Скромный, неутомимый труженик, чернорабочий этнографической науки, он внес значительный вклад в изучение быта и культуры своего народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новые горизонты для развития белорусской этнографии и фольклористики. Уже в 1918 г., когда Белоруссия была еще ареной гражданской войны, в Москве создается Белорусский народный университет, а в Петрограде — Белорусское вольно-экономическое общество, вокруг которых стали группироваться этнографы. Сразу же после освобождения Белоруссии от иностранных интервентов в Минске при Народном Комиссариате просвещения был образован Академический центр, начавший собирать кадры ученых.

В 1922 г. на базе Научно-терминологической комиссии Наркомпроса Белоруссии создается Институт белорусской культуры, который и становится центром этнографической работы. Параллельно разворачивается краеведческое движение. Расширяющаяся его сеть привела к созыву в 1924 г. Первой всебелорусской краеведческой конференции, на которой было выбрано Центральное бюро краеведения (ЦБК), входившее в состав Инбелкульта. В 1925 г. ЦБК начало издание ежемесячного журнала «Наш край».

¹ Архив АН БССР, ф. 134, оп. 3, № 1308, лл. 16—17.

Краеведение охватило большую армию учителей, врачей, учащихся, рабочих и крестьян. Уже к Первому Всебелорусскому краеведческому съезду (1926 г.) в Белоруссии было 167 краеведческих организаций, насчитывавших 4341 человек. Второй съезд (1927 г.) зафиксировал 240 организаций с числом членов 9637 человек.

Краеведами Белоруссии была проделана огромная работа по изучению быта и культуры белорусского народа. О ее размахе, в частности, свидетельствуют следующие цифры. Ко Второму Всебелорусскому съезду ЦБК получило от местных организаций 9632 фольклорные записи, 87 230 карточек со словами для диалектологического словаря, 179 этнографических и других коллекций, 413 различных описаний, 500 ответов на анкеты и 796 прочих материалов¹. Широко было развито и музейное дело. В 1927 г. в Белоруссии насчитывалось 18 музеев, в которых хранилось 11 239 экспонатов. Публикация собранных в 20-х годах материалов в основном осуществлялась журналом «Наш край», газетой «Савецкая Беларусь» и другими изданиями.

В 30-е годы изучение быта и культуры белорусов осуществлялось сектором этнографии и фольклора Института истории Академии наук БССР, созданной в 1929 г. на базе Инбелкульта.

Отличительной чертой этнографических и фольклорных трудов этого времени был новый

¹ Працы Другога Усебеларускага краязнаўчага з'езду 10—13 лютага 1927 г. Мінск, 1927, стр. 23.

подход к изучению быта и культуры белорусского народа. Больше внимания стало уделяться изучению и исследованию таких материалов, которые отражали социальную и классовую борьбу, героизм гражданской войны, антирелигиозные настроения народа, а также события, связанные с перестройкой жизни на социалистических основах.

Крупнейшими трудами этого плана в области фольклористики были: «Белорусские народные и революционные песни» (1938), «Дореволюционная и советская Белоруссия в народном творчестве» (1938), «Красная Армия и оборона Родины в белорусском народном творчестве» (1938), «Белорусский народ против попов и религии» (1939), «Женщина в белорусском народном творчестве» (1940) и ряд других. Впервые глубокий анализ белорусских пословиц и поговорок сделал К. Крапива в статье «Белорусские пословицы»¹.

Продолжалось также собирание и издание обрядовой поэзии, материалов о верованиях и обрядах (сборники А. Шлюбского, М. Горецкого и др.). Были опубликованы многие материалы, собранные еще в дореволюционные годы, с дополнением записей, сделанных в советское время. В частности, изданы капитальные сборники А. К. Сержпутовского «Сказки и рассказы белорусов из Слуцкого уезда» (1926), «Предрассудки и суеверия белорусов-полешуков» (1930). Исследованию пережиточных явлений в быту белорусов были посвящены тру-

¹ К. Крапіва. Збор твораў у трох тамах, т. II. Мінск, 1956, стр. 383—429.

ды Н. М. Никольского «Мифология и обрядность волочевых песен» (1931) и «Животные в обычаях, обрядах и верованиях белорусского крестьянства» (1938). В этих работах автор делает попытку проследить процесс развития отдельных обрядов и фольклорных жанров, стремится показать отмирание устаревших элементов и появление новых в быту и творчестве белорусского народа.

Особенно примечательны были исследования в области быта и фольклора белорусов З. Бядули. В статьях «Религия и белорусское крестьянство по народному творчеству»¹, «Классовые мотивы в белорусском народном творчестве»², «Панщина в народных песнях и сказках»³, «Народное творчество и новый быт»⁴, а также в брошюре «Вера, панщина и воля в белорусских народных песнях и сказках» (1924) Бядуля раскрывает идейную сущность белорусского фольклора, отражение в нем атеистических воззрений, показывает борьбу народа против своих угнетателей в дооктябрьский период и за новую жизнь в советское время.

Исследованию материальной культуры и хозяйственной деятельности Белоруссии посвятили свои работы И. Сербов «Вичинские поляне» (1930), Н. Лебедева «Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР» (1929). Этим же темам были посвящены статьи А. Сурпинского, Р. Рака. Ряд работ написали по во-

¹ «Савецкая Беларусь», 1922, № 226—228, 230, 232.

² Там же, 1922, № 234—236.

³ Там же, № 241—244.

⁴ «Молодняк», 1924, №2—3, стр. 48—54.

просам народной идеологии и истории верований, обрядов и обычаев М. Мелешка, М. Гринблат, С. Барковский и др. Этнографами (Н. Касперович и др.) настойчиво выдвигалась задача изучения рабочего быта Белоруссии. Отдельные исследователи (А. Шлюбский) начали разработку вопросов истории белорусской этнографии и фольклористики. Белорусскими этнографами изучались и многие вопросы народного искусства (орнамента ткачества, характера набойки и т. п.).

Некоторая работа по изучению белорусского фольклора и этнографии велась в западной части Белоруссии (центром был г. Вильно), отдельными фольклористами Риги¹, Каунаса и т. д.

Значительный вклад в изучение быта и культуры белорусов был внесен Академией наук СССР, Географическим обществом Союза ССР, Государственным музеем этнографии народов СССР и отдельными учеными Ленинграда и Москвы. Так, Д. К. Зелениным был издан капитальный труд «Русское (восточнославянское) народоведение»², в котором немало места отводится и белорусской этнографии.

В первые два десятилетия советской власти белорусская этнография и фольклористика обогатились довольно крупными исследованиями и сборниками материалов. Среди них видное место принадлежит трудам А. К. Сержпутовского.

¹ В Риге, например, был издан в 1940 г. сборник С. П. Сахарова «Народная творчасць латгалскіх і ілукстэнскіх беларусаў».

² Russische (Ostslavische). Berlin und Leipzig, 1927.

Служитель науки

Александр Казимирович Сержпутовский родился 21 июня 1864 г. в с. Белевичи Чаплицкой волости Слуцкого уезда Минской губернии в семье безземельного белорусского крестьянина¹. Отец Александра служил лесным сторожем, в связи с чем часто менял место жительства. Через шесть месяцев после рождения Александра Сержпутовские переехали на хутор Дорогатище, а затем в Переволоки (около д. Чудино).

Способный и любознательный Александр в пятилетнем возрасте самостоятельно научился читать. После окончания народного училища в д. Вызна он поступил в Несвижскую учительскую семинарию. В 1884 г. А. К. Сержпутовский занимает скромную должность учителя народного училища. В различных школах Мозырского и Слуцкого уездов он проработал 9 лет. В 1893 г. А. К. Сержпутовский переходит на работу писарем в Минское отделение кре-

¹ Архив АН БССР, ф. 1, № 19, лл. 77—79. В личных анкетах А. К. Сержпутовского в графе «национальность» помечено — белорус, а в графе «родной язык» — белорусский.

стьянского поземельного банка, а потом в Минское почтово-телеграфное ведомство. Осенью 1896 г. А. К. Сержпутровский переезжает в Петербург, где работает на почтамте. Здесь он одновременно с работой продолжает учебу в Петербургском археологическом институте и на высших юридических курсах. В 1904 г. институт успешно окончен, а в 1906 г. А. К. Сержпутровский переходит на работу в Русский музей в качестве регистратора этнографического отдела¹. В этнографическом отделе музея он работает до ухода на пенсию (1930 г.). Умер А. К. Сержпутровский 9 марта 1940 г.

Вся трудовая деятельность А. К. Сержпутовского связана с изучением быта и культуры белорусского народа. Уже в 1885 г. им были описаны обряды купалья в д. Заполье Мозырского уезда. Первая печатная корреспонденция А. К. Сержпутовского появляется в 1891 г. в «Минских губернских ведомостях» (№ 43) под названием «Голос из глуши», в которой даются некоторые штрихи жизни д. Лучицы Мозырского уезда. В 1890 г. А. К. Сержпутовский по своим наблюдениям и рассказам жены известного белорусского сказочника Азёмши описывает свадебные обряды в д. Лучицы Мозырского уезда, а в 1894 г. в очерке «Залито» дает характеристику различного рода поверий, бытовавших в д. Чудино Слуцкого уезда².

¹ Архив Государственного музея этнографии народов СССР (далее архив ГМЭН СССР), ф. 1, оп. 2, № 194, л. 84.

² Архив ГМЭН СССР, ф. 2, оп. 2, № 294.

Работая учителем в глухих деревнях Полесья и близко соприкасаясь с народом, А. К. Сержпутовский имел возможность хорошо изучить быт и культуру белорусов. «Проживая долгое время на Полесье,—писал он,— и имея непосредственные сношения с народом, мне пришлось вникать во все стороны его жизни. Таким путем я производил свои наблюдения исподволь, при всяком удобном случае и знакомился со всякими суевериями и предрассудками, какими так богаты жители этого глухого угла Белоруссии»¹.

Сначала как любитель, а потом как серьезный исследователь культуры и быта своего народа А. К. Сержпутовский записывал, систематизировал, изучал и анализировал все то, что касалось жизни белорусского крестьянина, его быта и культуры. Часть собранных им в начале XX в. материалов была передана этнографу Е. А. Ляцкому. Многие из них хранятся в ГМЭН.

Профессиональным этнографом-фольклористом А. К. Сержпутовский становится в начале XX в. К этому времени у него складываются определенные философские и общественно-политические взгляды, которые, как известно, определили и основное направление научной деятельности исследователя. В архиве хранятся записи А. К. Сержпутовского, относящиеся к 1901—1908 гг. Из них видно, что он в эти годы увлекался чтением книг социологического, политического и философского содержания. Наиболее оригинальные, на его

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 2, оп. 2, № 289, л. 2.

взгляд, высказывания и мысли он записывал в тетрадке, озаглавленной «Афоризмы»¹.

В вопросах происхождения жизни на земле А. К. Сержпутовский стоял на материалистических позициях. Об этом говорят его записи. Человек, пишет он, появился на земле «таким же путем, как появились камни, растения, животные. Он причинная частица мировой материи и ее энергии. Как ни грустно отказываться от божественного происхождения, но приходится разбить мистические, догматические бредни...»²

В своих записях Сержпутовский высказывает оригинальные мысли по поводу происхождения религии и ее сущности. В них прямо утверждается, что бога создал человек, а вера в бога — тяжелое заблуждение. «Все, что опирается на веру — лживая легенда». «От веры даже истины тускнеют и заволакиваются туманом», «Общими усилиями люди создали кумиров; одному человеку трудно их разрушить».

Общественно-политические взгляды Сержпутовского были прогрессивными. Он отрицательно относился к существовавшим в то время порядкам. В своих записках ученый подчеркивал, что если в прошлые времена рабство порождалось грубой физической силой, то теперь — капиталом (золотом). «Всякий захват, — писал Сержпутовский, — есть насилие, противоречащее справедливости. Земля, свет, воздух и вся природа принадлежит всем без

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 570.

² Там же.

всяких ограничений... Каждый имеет право на жизнь. Для жизни необходимы земля, солнце, воздух, хлеб, вода, одежда, жилище и пр. Когда же нас лишают этих благ, то это не право, а насилие».

Капиталистическое государство Сержпутовский называет «мерзким чудовищем», а люди в этом государстве — «это кирпичи, из которых построен роскошный дворец, чтобы в нем тираны предавались оргиям»¹.

В записях мы встречаем не только сетования на несправедливость существующих порядков, но и выражение уверенности в освобождении трудящихся от оков капитализма. «Рано или поздно, — говорится в одной записи, — а люди осознают тягу материальной зависимости от ничтожного меньшинства, объединятся общим единым интересом и свергнут ненавистное иго рабства». И далее: «Энергия накапливается незаметно, но при напряжении достаточно одной искры, ничтожного повода, чтобы произошел взрыв, чреватый последствиями. Оттого великие политические события являются так неожиданно»².

Сержпутовский понимал, что только в новом, свободном обществе, где не будет насилия и грабежа, эксплуатации человека человеком, народ заживет счастливой жизнью. «Коммунизм, — писал он, — уничтожает господство золота, создает для всех материальное благо...»

Сержпутовскому были присущи глубоко прогрессивные и демократические взгляды, они

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 570.

² Там же.

А. К. Сержпутовский (конец XIX в.)

были ему близки, понятны и характеризовали его общественно-политическое лицо. Вся научная деятельность его, связанная с изучением материальных условий жизни народа, его быта и культуры, является ярким подтверждением этому.

Перу Александра Казимировича принадлежит серия очерков, в которых он раскрывает тяжелую жизнь и бесправие трудящихся масс, показывает бесчинства, чинимые помещиками над крестьянами. Так, в очерке «В деревне», написанном в 1911 г., А. К. Сержпутовский повествует о трагедии крестьянской семьи, самоуправстве помещиков и их слуг по отношению к бедному бесправному народу.

Вот краткое содержание этого очерка.

В семье Макара и Ноны сын Вася в предсмертной агонии. Заболел он оттого, что его избил плетью и загнал в холодную воду панский приказчик. Макар уезжает в волость за фельдшером. В отсутствие отца в дом заходит нищая одинокая женщина. Узнав о причине болезни Васи, она рассказывает о трагедии, постигшей ее сына, которого помещик взял на охоту и там застрелил. Старуха осталась одна и пошла по миру. В очерке приводится следующий диалог:

— Это что же такое, бабушка?— спрашивает Нона. — Живого человека стрелять как скотину, по какому праву?

— Эх, моя кралечка, какое у господ право! Издеваются над людьми и только. Ну вот хотя бы Ванюху... Барину ахвота, потеха. Ну он вишь и палит в человека. Какое ему дело, что он у меня один, один как колосок. Пропала я

бедная! Кто мне хлеба заработает? Кто воды подаст?

«Старуха, — продолжает А. К. Сержпутовский, — начала причитать, а слезы из ее глаз так и лились и лились».

«Эй, вы, человеческие слезы, — восклицает автор, — если бы вас собрать в одно место, то образовалось бы целое море. В том море все несчастные, все страдающие омылись бы от грехов»¹.

Далее в очерке рассказывается, что старшина волости вместо того, чтобы помочь Макару, за недоимку налогов в три рубля запер его в арестантскую. Только на второй день Макара выпустили из арестантской. «Бедняга, — пишет А. К. Сержпутовский, — еле упросил фельдшера ехать к больному... Но каково было горе Макара, когда он поспешно вбежал в избу и увидел Васю в гробу. Не вынес бедняга и как сноп свалился на землю».

После смерти сына Нона заболела и потеряла рассудок. «К тому времени умер и второй сын Макара, а Нона совсем лишилась рассудка. Макар начал пить все больше и больше, чтобы в вине утопить свое горе. Но видно крестьянское горе не утонет и в море... А сколько таких несчастных на Руси?», — заканчивает таким вопросом свой очерк автор².

Годы работы А. К. Сержпутовского в этнографическом отделе Русского музея были полны интенсивной научной деятельности. Он дважды (в феврале — марте и в июле — август-

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 579, л. 5.

² Там же, л. 8.

те 1906 г.) совершает экспедиции в южную часть Минской губернии (Слуцкий и Мозырский уезды) и собирает там большое количество этнографических экспонатов, производит много записей, связанных с бытом и устнопоэтическим творчеством белорусов. Характеризуя эту экспедицию, журнал «Живая старина» писал: «А. К. Сержпутовский в течение зимних и летних месяцев 1906 г. обследовал малодоступную полесскую часть Белоруссии по левым притокам р. Припяти и в разбросанных среди огромных лесов и топких непроходимых болот селеньях полешуков собрал этнографические коллекции.

В состав коллекций вошли амулеты, одежда, земледельческие орудия, принадлежности тканья, музыкальные, плотничьи и бондарные инструменты, предметы табакокурения и добывания огня, принадлежности охоты, рыбной ловли и пчеловодства, посуда, образцы вышивок, предметы домашнего обихода и т. п. Всего доставлено в музей около 1000 этнографических экспонатов, а также сделаны фотографические снимки, планы крестьянских дворов и чертежи»¹.

Результаты экспедиций 1906 г. Сержпутовский изложил в труде «Полешуки-белорусы» и представил его в 1908 г. этнографическому отделу музея. В сопроводительной записке он сообщал: «Желая по возможности полнее представить быт полешуков-белорусов, я сделал подробное описание построек и других сооружений, занятий и ремесла, обычаев и пове-

¹ «Живая старина». СПб., 1907, вып. I, стр. 9.

рий крестьян северной половины Мозырского и южной части Слуцкого уездов Минской губернии как центральной части Белорусского Полесья»¹.

В связи с предстоящей новой экспедицией в 1907 г. А. К. Сержпутовский разрабатывает «Краткую программу для собирания этнографических предметов в Белоруссии». В ее предисловии дается характеристика различных частей Белоруссии и условий жизни трудового крестьянства. В частности, в предисловии говорилось: «Деревни и поселки разбросаны посреди лесов и болот нередко на расстоянии 20—50 верст. Дороги непроезжие... В таких местах жители ведут замкнутый образ жизни, и некоторые проводят всю жизнь, не выезжая из родных мест. Так как почва на «Полесье» песчаная, неплодородная, то хлеба недостаточно для местных жителей даже на полгода»². А. К. Сержпутовский выдвигал очень важное требование к собирателям этнографических материалов и прежде всего считал, что «при собирании этнографических коллекций предметов, могущих служить документом, характеризующим с той или иной стороны данный народ, его быт и творчество, крайне желательно прилагать подробное описание той местности и жизни того народа, где собраны коллекции. Только при подробном описании как материальной, так и духовной стороны перед нашими

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 574, л. 1. Эта рукопись хранится в архиве. Разбор ее будет сделан ниже.

² Там же, № 193.

глазами откроется цельная и живая картина данного народа»¹.

В программе рекомендовалось делать описание местности, поселений, жилищ, способов изготовления одежды, производить записи преданий, легенд, рассказов, давать характеристику занятий населения, его орудий труда, народной кулинарии, семейного быта, народной медицины и пр.

В последующие годы А. К. Сержпутовский совершает еще четыре этнографические экспедиции в Белоруссию (1907, 1910, 1912, 1914 гг.). Кроме Минской, он изучает Витебскую, Могилевскую и Гродненскую губернии. Во время этих экспедиций им было собрано огромное количество вещевых материалов (около 2000 предметов), сделано свыше 200 фотоснимков, записаны сотни сказок, песен, пословиц, поговорок, описано множество обрядов, обычаев, верований, суеверий, примет и пр.

Так, только в экспедиции 1907 г. А. К. Сержпутовский пробыл 3 месяца (июнь — август), посетил Минскую, Гродненскую и Волынскую губернии (полесскую их часть), собрал свыше 800 предметов и сделал свыше 200 фотографических снимков построек, типов жителей, бытовых сцен, промыслов и т. п.² Одновременно, сообщалось в «Живой старине», Сержпутовским были «собраны богатые материалы для изучения обычного права, творчества и быта местных жителей»³.

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 193.

² «Живая старина», 1907, вып. III, стр. 37.

³ Там же.

А. К. Сержпутовский среди литовских крестьянок в экспедиции 1909 г.

Кроме белорусов, А. К. Сержпутовский по поручению этнографического отдела изучал бытовые особенности литовцев, поляков, украинцев, русских, татар и народов Кавказа. В 1907—1917 гг. он совершает ряд экспедиций: на Украину (1907, 1912), в Польшу (1909, 1912), Литву (1909, 1914), в Московскую, Пермскую, Курскую, Вятскую (1913, 1915, 1916, 1917), Уфимскую губернии (1917) и на Кавказ (1910—1911).

Во время этих экспедиций Сержпутовским было собрано еще свыше 2000 этнографических предметов, сделано более 700 снимков крестьянского жилища, одежды, орудий труда, бытовых сцен и пр., записано множество фольклорных произведений, исполнены зарисовки и чертежи жилищ и хозяйственных построек¹. Только в Оханском уезде Пермской губернии им было записано 334 песни².

Проведение каждой экспедиции сопровождалось немалыми трудностями. Бездорожье Белорусского и Украинского Полесья, горные тропы Кавказа требовали огромных усилий и настойчивости от исследователя. А. К. Сержпутовский был отважным служителем науки. «Меня, — писал он перед отъездом на Кавказ, — не страшат ни трудности, ни опасности, лишь бы только достигнуть намеченной цели»³.

Результаты экспедиции на Кавказ были поразительными. Пробираясь по горным тропам, рискуя свалиться с навьюченными этно-

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 573, 576, 578; 582, 583; Архив фототеки ГМЭН СССР.

² Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2.

³ Там же, № 581, 576, л. 2.

графическими коллекциями лошадыми в пропасть (что однажды случилось с его проводником), А. К. Сержпутовский проник в самые отдаленные малодоступные аулы горцев, собрал там множество предметов быта, орудий труда, оружия, сделал несколько сот фотографий и массу записей. По возвращении из экспедиции им был представлен музею сначала краткий, а позже обширный научный отчет, в котором дано подробное описание жизни, занятий и быта горцев¹.

Из отчета об экспедиции 1910 г. видно, что А. К. Сержпутовский изучал южную половину Андийского округа, населенного дидойцами (цунтами), которые жили тогда в 36 древних селениях, насчитывающих около 5 тысяч человек, а также небольшие группы народностей гинухцев и капучинцев. Характеризуя особенности хозяйственной деятельности и быта обследованных селений, Сержпутовский отмечал, что дидойцы и гинухцы занимаются скотоводством, охотой и частично земледелием. «Небольшие клочки земли обрабатываются почти исключительно киркой и мотыгой. Земледельческими работами занимаются только женщины»².

До недавнего времени, пишет далее автор, дидойцы носили рубашки и штаны, сшитые из выделанных овчин или из шкур те-

¹ По этой экспедиции А. К. Сержпутовский, кроме отчета, хранящегося в архиве ГМЭН СССР (ф. 1, оп. 2, № 576), опубликовал статью «Поездка в Нагорный Дагестан» («Живая старина», 1916, вып. I, стр. 273—294).

² Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 378.

лят, коз, оленей и т. п... Рубашка у женщины была длинной, ниже половины голени, а у мужчины короткая. Головной убор мужчины — папаха, женщины — особый платок, сшитый из черной или красной кумачовой ткани и украшенный серебряными монетами и прочим. Платок свободно висит спереди, а сзади спускается клином почти до земли. Обувь мужчин и женщин изготовлена из шерстяных ниток, причем разукрашена разными узорами. В сырую погоду к ногам подвязываются деревянные ходули, а при передвижении в горах — железные скобы с шипами. Мужчины носят на опашку длинный полушубок с длинными узкими рукавами, из которых левый наглухо зашит, или без рукавов. Полушубки имеют длинные почти до пояса откидные воротники.

Сержпутовского как исследователя интересовали все стороны жизни горцев. Он изучал не только их жилище, орудия производства, но и внутрисемейные отношения у дидойцев, особенно положение женщины в семье. В этой связи Сержпутовский писал: «Женщины с самого раннего возраста чрезвычайно обременены работами. Все хозяйственные и домашние работы исполняют исключительно женщины. Мужчины занимаются лишь охотой, разъездами по горам да бесконечными разговорами. Мужья очень дорожат женами и относятся к ним по-своему с большим уважением. Такое отношение, может быть, объясняется тем, что при женитьбе приходится платить довольно большой выкуп — около 100 руб.»¹. Далее со-

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 578.

А. К. Сержпутовский (в центре) среди горцев (экспедиция 1912 г. на Кавказ)

общается, что мужчины вступают в брак в 17—18 лет, а женщины выходят замуж иногда в 14-летнем возрасте. Фиксируются случаи многоженства у богатых жителей и пережитки кровной мести.

Параллельно с работой в этнографическом отделе музея А. К. Сержпутовский вел активную научную деятельность в Русском географическом обществе (РГО), действительным членом которого он состоял.

В 1910 г. при РГО была создана Комиссия по составлению этнографической карты России. А. К. Сержпутовский избирается почти во все ее отделы. По поручению комиссии в 1911 г. он составляет «Программу по одежде, головным уборам и украшениям белорусов», в 1912 г. — такую же программу по быту поляков и «Программу по жилищу и постройкам белорусов», в 1913 г. — «Программу по хозяйственному быту белорусов». Кроме этого, им в 1913 г. разрабатывается «Программа по хозяйственному быту великорусов (народная техника, промыслы, способы передвижения, пища)» и такая же программа о поляках.

Научная деятельность А. К. Сержпутовского уже в дореволюционное время увенчалась выходом в свет ряда его работ. В 1907—1909 гг. А. К. Сержпутовский печатает в «Живой старине» серию материалов под общим заглавием «Очерки Белоруссии». В 1910 г. публикуется его работа «Земледельческие орудия Белорусского Полесья», в 1911 г. — «Сказки и рассказы белорусов-полешуков», а в 1914—«Бортничество в Белоруссии» и др.

Несколько работ, написанных Сержпутов-

ским в дореволюционное время на основании материалов, собранных в экспедициях, остались в рукописях. Большинство из них не сохранилось.

Победа Великого Октября открыла широкие горизонты и для научной деятельности А. К. Сержпутовского.

В 1918 г. в Петрограде создается Белорусское вольно-экономическое общество. А. К. Сержпутовский является активным участником его первого учредительного съезда и избирается кандидатом в члены правления общества.

В журнале «Чырвоны шлях», издаваемом белорусским землячеством в Петрограде, в 1918 г. А. К. Сержпутовский печатает две статьи, в которых он излагает свои мысли по вопросам национального и культурного развития Белоруссии. В связи с провозглашением Советской властью «Декларации прав народов России» встал вопрос определения границ будущей Белорусской Советской Республики. В статье «Белорусский народ и религия» А. К. Сержпутовский подвергает резкой критике антинародную политику царизма, не признававшего за белорусами права на национальное развитие. Автор статьи, в частности, показывает, что царские чиновники, проводя политику угнетения, при переписях населения за критерий определения национальной принадлежности белорусов принимали религию. Белорусов, исповедовавших православие, они относили к русским, а белорусов-католиков — к полякам. Сержпутовский этот вопрос ставит на научную основу. В своей статье он подчеркивает, что в

условиях Белоруссии научно правильным критерием должны быть не религия, а «язык и совокупность бытовых черт» населения¹.

Касаясь исторических судеб белорусского народа, А. К. Сержпутовский пишет: «Справедливость требует сказать, что, к чести белорусов, они стойко выдержали невыносимый гнет в течение целого ряда веков и все-таки в чистоте сохранили свой язык, обычаи и весь уклад домашнего и хозяйственного быта»².

В статье «К вопросу о белорусской орфографии» А. К. Сержпутовский излагает свои соображения по поводу создания грамматики белорусского языка. Он отмечает, что в национальном развитии белорусского народа еще сделано очень мало. «Не говорю, чтобы у белорусов, — пишет он, — в этом отношении не было стремления или чувствовался недостаток в культурно-просветительных деятелях, напротив, была богатая нива и не мало сеятелей». Однако, продолжает далее автор, «все эти начинания при прежнем режиме встречали непреодолимые препятствия»³.

Подчеркивая, что писатели «должны широко использовать богатую сокровищницу живого народного языка в его настоящем и прошлом», а также то, что в «настоящее время открываются белорусские учебные заведения, в которых вводится преподавание белорусского языка», А. К. Сержпутовский указывает на насущную необходимость быстрее создания единой

¹ «Чырвоны шлях». Петроград, 1918, № 9—10, стр. 26.

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 26.

грамматики белорусского языка. Большие надежды в этом он возлагает на научные и литературные силы вновь открывавшегося Белорусского вольно-экономического общества в Петрограде, которое, между прочим, в своих задачах и целях намечает культурно-просветительную деятельность по Белоруссии... «Мы смело можем надеяться, — говорит в своей статье Сержпутовский, — что в недалеком будущем белорусы подобно своим братьям великорусам, украинцам, полякам и др. будут иметь богатую литературу и станут на естественный и натуральный путь национального развития»¹.

В журнале «Чырвоны шлях» А. К. Сержпутовский под псевдонимами Наум Смага и Шарпат печатает серию бытовых очерков, переводы на белорусский язык отрывков из произведений Т. Г. Шевченко и статью «Новый этнографический музей».

В небольших очерках под общим заглавием «Картинки Белоруссии»² автор в форме кратких юмористических рассказов рисует бесправие и социальный гнет трудового крестьянства в дореволюционное время («Панская милость», «Депутат», «Как там, так и тут»), показывает остроумие и талантливость простого народа («Тое, да не тое», «Музыка»), а также отражает атеистические идеи («Антон», «На родину»).

В статье, посвященной открытию в Петрограде нового этнографического музея, Серж-

¹ «Чырвоны шлях», 1918, № 9—10, стр. 26.

² Там же, № 7—8, стр. 6—8; № 9—10, стр. 5—8.

путовский подробно характеризует белорусские коллекции, которые хранятся в Русском музее¹.

А. К. Сержпутовский в 1918 г. избирается ассистентом этнографического отдела Русского музея, а в 1922 — помощником хранителя отдела и заведующим белорусской секции музея. С 1925 г. он занимает должность хранителя этнографического отдела.

Одновременно с 1918 по 1923 г. А. К. Сержпутовский работает учителем Белорусской гимназии в Петрограде. С 1922 г. он является в Академии наук председателем белорусской подкомиссии в комиссии по составлению этнографических карт и изучению национального состава населения России, а также возглавляет аналогичную подкомиссию Русского географического общества. И в трудные годы гражданской войны и иностранной интервенции А. К. Сержпутовский ведет широкую научно-исследовательскую работу. В мае 1918 г. он ходатайствует перед Отделением русского языка и словесности Академии наук об экспедиции в Оханский уезд Пермской губернии, который он посещал в 1914 г.

В 1920 г. А. К. Сержпутовский снова командировается в эту губернию. В результате экспедиций им была написана работа «Бытовые черты крестьян Оханского уезда Пермской губернии», переданная академику В. М. Истрину².

Об итогах этой экспедиции Сержпутовским был также написан подробный отчет, в кото-

¹ «Чырвоны шлях», 1918, № 7—8, стр. 6—8; № 9—10, стр. 26—27.

² Архив АН СССР, ф. 7, оп. 1, № 17, л. 38.

ром он излагает задачи, стоявшие перед ним в изучении быта и жизни народа. В частности, в отчете говорится, что основной целью экспедиции являлось «собрание материалов, характеризующих и объясняющих народный быт и те изменения, которые произошли в нем за последние годы под влиянием общегосударственных факторов и местных условий». Исследователь отмечает заимствования, сделанные под влиянием беженцев, пленных солдат. «Кроме того,—подчеркивает Сержпутровский,—мною была поставлена цель проследить, какие факторы в каждом отдельном случае способствовали утрате старого или появлению того или иного бытового новшества»¹.

В отчете содержится богатый материал, рисующий бытовую картину жизни населения юго-западной части Пермской губернии (главным образом Оханского уезда) в первые годы Советской власти. В нем дается описание поселений, усадеб, жилища и его убранства, внутренней планировки, одежды, пищи, производственной деятельности, семейных обычаев и обрядов и пр. Ярко характеризуя жизнь людей, А. К. Сержпутровский одновременно показывает влияние на быт народа событий и условий военных лет. В отчете отражен восстановительный процесс хозяйственной жизни в мирный период. Кроме того, отчет дополняется массой зарисовок, чертежей и планов жилища, хозяйственных построек, орудий труда, утвари и других предметов домашнего быта.

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 2, оп. 1, № 23.

В том же году А. К. Сержпутовский совершает этнографическую экспедицию в освобожденную Белоруссию. Отчет об этой экспедиции не сохранился. Однако в архиве ГМЭН СССР имеются три записные книжки А. К. Сержпутовского, в которых даны зарисовки орудий труда, жилища, утвари, заметки об одежде, описание верований, семейного быта в деревнях Вызна и Семежево Слуцкого и ряда селений Речицкого и Пинского уездов. Сержпутовский записал много фольклорных произведений, описал народные музыкальные инструменты, игры, забавы, белорусские поверья и предрассудки и т. д.¹

На основании собранных материалов им была написана серия этнографических очерков о верованиях и легендах белорусов. («Суеверия и предрассудки белорусов-полешуков», «Прощи», «Пристрел», «Злодейство» и др.)².

В последующие годы (1923—1927) А. К. Сержпутовский совершает длительные (по 2—3 месяца) этнографические экспедиции в Белоруссию и соседние губернии РСФСР — Смоленскую и Псковскую, главной целью которых являлось изучение быта народа. Попутно он производил антропологические исследования и сбор этнографических коллекций для музея. Всего за время работы в музее А. К. Сержпутовским было «организовано и проведено до 25 научных этнографических, антропологических и лингвистических экспедиций»³.

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 2, оп. 2, № 285, 287, 288.

² Там же, ф. 1, оп. 2, № 285.

³ Архив Государственного русского музея, д. 1621.

В 1925 г. А. К. Сержпутровский избирается действительным членом Института белорусской культуры.

Вся его дальнейшая научно-исследовательская работа проводится под руководством и по заданию Инбелкульты.

В 1926 г. Сержпутровский выезжает в экспедицию в Гомельскую область. В ее задачу входило определение этнографической границы юго-востока Белоруссии на основании изучения языка, творчества и быта белорусского населения. Им был собран богатый материал, характеризовавший языковые особенности белорусов и затем обобщенный в специальном отчете.

В экспедициях по Белоруссии послереволюционного времени А. К. Сержпутровский приобрел около 350 предметов быта (из них около половины за личные средства), которые он приподнес музею в дар.

В советские годы А. К. Сержпутровский опубликовал около 10 работ по этнографии и фольклору Белоруссии, из которых «Сказки и рассказы белорусов Слуцкого уезда» (1926) и «Суеверия и предрассудки белорусов-польшуков» были самыми крупными научными трудами в этой области. Основной же труд А. К. Сержпутовского многотомник «Быт белоруса» (постройки, занятия, одежда, обычаи и пр.), над которым он работал всю свою жизнь, а также «Сборник белорусских пословиц и поговорок» (7000) и «Белорусский словарь» (30 000 слов) остались неизданными.

К началу 1925 г. А. К. Сержпутовским было подготовлено еще свыше 20 этнографических

и фольклорных работ. В анкете действительного члена Инбелкульта в графе о научных трудах значится, что он «имеет более чем 20 печатных работ и более 25 рукописей, а в сентябре 1930 г. помечено, что им издано до 45 научных трудов¹.

В справке о жизни и научной деятельности А. К. Сержпутовского, составленной в 1917 г., сообщается, что он передал в рукописях Русскому географическому обществу «Белорусские пословицы и поговорки» с приложением словаря, в Русский музей — «Занятия и постройки белорусов» и «Жилище дидоев». Для опубликования в Антропологическом сборнике «Иллюстрация в Белоруссии» он передал Ф. К. Волкову «Заметки неграмотных белорусов», а академику А. А. Шахматову «Словарь детского языка белорусов». Кроме этого, А. К. Сержпутовский подготовил к печати научные труды по вопросам материальной культуры в Литве и народных развлечений в Белоруссии, а также собирался издать книги «Постройки в Пермской губернии», «Жилища в Абхазии и Мигрелни» и др.².

К сожалению, это богатое наследие ученого утрачено.

А. К. Сержпутовский вел в музее большую организационную, научно-методическую и просветительную работу, в частности в экскурсионном бюро, которым он заведовал. Им же были созданы первые белорусские экспозиции и экспозиции зарубежных славян, написа-

¹ Архив АН БССР, ф. 1 (ок), № 19, л. 79.

² Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 194, л. 84.

ны путеводители по белорусской выставке и т. д.¹

В последние годы работы в Русском музее здоровье А. К. Сержпутовского пошатнулось. На 66 году жизни 7 мая 1930 г. он уходит на пенсию.

В ходатайстве о назначении А. К. Сержпутовскому пожизненной академической пенсии дана положительная характеристика его научной деятельности, отмечены настойчивость и трудолюбие, большие заслуги в собирании основных коллекций этнографического отдела музея и др. В характеристике делается следующее заключение: «Все изложенное позволяет квалифицировать Сержпутовского как активного научного работника, имеющего уже за собой много выполненного и могущего в будущем использовать освободившееся от службы время для разработки собранного, но еще не опубликованного материала»².

Жизненный путь и научная деятельность А. К. Сержпутовского, его прогрессивные взгляды, любовь к своему народу и его культуре свидетельствуют о том, что в его лице мы имеем неутомимого труженика этнографической науки и фольклористики, для развития которых так много им сделано.

¹ Архив Государственного русского музея, д. 1621, л. 60.

² Там же.

С любовью к быту родного Полесья

Наиболее ранние работы А. К. Сержпутовского (1907—1909) посвящены исследованию тех древних народных традиций, в которых колоритно отражены высокие моральные качества простого человека — чувства коллективизма, дружбы, взаимопомощи и товарищества (очерки «Сябрына», «Бонда», «Талака»). Древние обычаи «сябрын», «сябравання» и взаимной выручки особенно живучими были на юге Белоруссии. «Каждый предусмотрительный белорус, — пишет Сержпутовский, — при всяком удобном случае старается возможно больше приобрести сябров как в своем селении, так и соседних»¹. Духовное родство, дружба устанавливались как между родственниками и свояками, так и между лицами, не связанными родством и своячеством.

Таковую же сущность имеет и другой народный обычай — «бонда», древнейший обычай «делиться с ближайшими соседями и вообще односельчанами всем, что приобретают». «Бон-

¹ А. Сержпутовский. Очерки Белоруссии. I. Сябрына, II Бонда. «Живая старина», 1907, вып. III, стр. 150.

да» дается соседям в случаях, когда убивают на мясо кабана, теленка, овцу, собирают плоды в садах, вырезают пчелиные соты и пр. Появление этого обычая Сержпутовский не без основания относит к родовому строю, «когда имела место общность имущества целой общины или рода»¹.

По-новому в сравнении с данными этнографической литературы того времени А. К. Сержпутовский описывает в очерках обычай «толоки»². В отличие от толкования этого слова в словаре Даля автор утверждает, что признак угощения при работах толокою не может считаться существенным. «Толока,— пишет А. К. Сержпутовский, — древний народный обычай. Он распространен по всей Белоруссии. В крестьянском быту толока, как и всякая другая помощь, обходится без угощения. Нередко миром исполняются большие работы лишь за словесную благодарность. В народном быту толока имеет основание и задачи более высокого нравственного и социального порядка. Сюда относятся работы по устройству жилищ, плотин, «ёзов» (перегородки реки для ловли рыбы), колодцев и т. п. До последнего времени толока в своем чистом виде имеет место по преимуществу в таких случаях, когда одной семье не под силу справиться с большой, тяжелой работой или стихийными бедствиями. Так, например, пожаром или наводнением уничтожены постройки или другие хозяйствен-

¹ Сержпутовский. Очерки Белоруссии. I. Сябрына, П. Бонда. «Живая старина», 1907, вып. III, стр. 152.
² «Живая старина», 1907, вып. IV, стр. 207—214.

ные сооружения, одна семья бессильна, и она прибегает к общественной помощи. Главные работники в семье подвергались тяжелой и продолжительной болезни и не могли убрать своевременно сено или хлеб — тут собирают толоку, которая без всякого угощения или платы производит необходимые работы... Народный обычай требует не отказываться от приглашения на толоку. Кто уклоняется от помощи другим, тому и общество не поможет в беде».

В очерке о толоке А. К. Сержпутовский указывал, что этот древний народный обычай использовали эксплуататорские классы в своих интересах. Элемент угощения водкой и прочим в толоку был привнесен зажиточными слоями деревни. Положительными качествами характера белоруса (доброта, сострадание, мягкость и покладистость характера) и «существующим обычаем безвозмездной помощи при больших и трудных работах, — пишет А. К. Сержпутовский, — воспользовались «паны» с корыстной целью... «Паны» довольно часто собирают толоку в таких случаях, когда почему-либо нельзя нанять рабочих или нежелательно платить за работу большие деньги, тогда как угощение участников толоки обходится гораздо дешевле. Но это уже исковерканный «панами» прекрасный обычай помогать друг другу в несчастье или при выполнении трудных и непосильных работ. Здесь довольно низкие корыстные цели»¹.

¹ «Живая старина», 1907, вып. IV, стр. 207—214.

Несколько работ А. К. Сержпутувский посвятил изучению различного рода верований, суеверий, примет, а также древних обычаев и обрядов, в известной степени сохранившихся в быту народа дореволюционной Белоруссии. В этих работах отражена отсталая иррациональная сторона быта и мировоззрения людей. В противовес реакционному крылу этнографов, которые использовали эти материалы для клеветы на белорусский народ и его культуру и оправдывали существовавший социальный строй, А. К. Сержпутувский руководствовался противоположными принципами. Знание суеверной стороны людей, по его мнению, необходимо каждому исследователю истории народной культуры.

«Чтобы ясно понять современную жизнь,— писал Сержпутувский,— надо оглянуться назад в глубину веков, подсмотреть и подслушать, как раньше жил, думал и верил древний человек»¹.

Автор правильно оценивает причины существования верований и суеверий. Он, в частности, показывает роль церкви и духовенства в поддержании суеверия и предрассудков в народе. Раскрывая, например, сущность верования в «завитки», Сержпутувский пишет: «В поддержании этого суеверного страха, кроме колдунов, много способствовали местные невежественные священники, которые выходили в поле для уничтожения «заломов» и «завитков». Само собой разумеется, что такое отно-

¹ А. К. Сержпутувскі. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў, стр. 1.

шение священника к заломке усиливает народные суеверия»¹.

Огромная заслуга принадлежит А. К. Сержпутовскому и в изучении материальной культуры и производственной деятельности белорусов. Наряду с собиранием вещевых памятников и подробным описанием их (в качестве описи к экспонатам²) Сержпутовский посвятил отдельным вопросам материальной культуры белорусов научные публикации.

Характеризуя в своей работе «Земледельческие орудия белорусского Полесья»³, А. К. Сержпутовский делит их на пять групп. К первой группе он относит мотыгу, заступ, сошку двух типов, применяемую главным образом для окучивания картофеля, соху, вершалину, смык и борону. Самыми древними орудиями труда он считает мотыгу и вершалину, от которых, по его мнению, позже произошла соха. Вершалину Сержпутовский характеризует как орудие, которым взрыхляли и бороновали почву. В первом случае она применялась на подлесных землях при подсечно-огневом способе земледелия. В связи с этим Сержпутовский утверждает, что вершалина «скорее напоминает сошку или соху, а не борону, как это думают некоторые бытописатели».

Ко второй группе относятся орудия, которые применяются при внесении удобрений в

¹ А. К. Сержпутовский. О завитках Белоруссии. «Живая старина», 1907, вып. I, стр. 37.

² Описи коллекций Сержпутовского хранятся в Государственном музее этнографии народов СССР.

³ А. К. Сержпутовский. Земледельческие орудия Белорусского Полесья. «Материалы по этнографии России», т. I. СПб., 1910, стр. 45—59.

почву (сахор, «крук», грабли, телега), к третьей — орудия для посева (севок, севник, коробка), четвертой — орудия для косьбы и жатвы (серп, коса, грабли) и пятой — орудия для обмолачивания и очистки зерна (цеп, валец, молотилки, веялки, шуфли, «апалушки» — деревянное корыто).

При описании этих групп орудий труда Сержпутовский не только дает подробную характеристику устройства и способов применения, но и стремится показать историю их возникновения и развития.

Более подробно Сержпутовский изучал одно из древнейших занятий белорусов — бортничество. В своем труде «Бортничество в Белоруссии»¹ автор подчеркивал, что на Полесье с его болотами и песчаными почвами, которые давали плохой урожай земледельцу, были распространены различные промыслы и ремесла, при помощи которых белорус-полешук, вынужден был добывать себе дополнительные средства к существованию. Одним из распространенных и наиболее древних промыслов было бортовое пчеловодство.

В конце XIX — начале XX в. бортничество приходит в упадок. Это Сержпутовский объясняет различными причинами. Во-первых, усилением эксплуатации и крепостного гнета трудящихся со стороны помещиков, которые крестьян, поселявшихся в глухих местах Полесья и занимавшихся бортничеством, разоряли и «обращали новоселов в своих крепостных под-

¹ А. Сержпутовский. Бортничество в Белоруссии. «Материалы по этнографии России», т. II. СПб., 1914, стр. 13—34.

данных»¹. Во-вторых, в позднейшее время в связи с попытками осушения болот и промышленного использования древесины на Полесье стали проникать капиталистические отношения и жесткие законы частной собственности, в результате чего бортовой способ пчеловодства исчезает. Место его занимает домашнее пчеловодство — пасечное, которое под силу было лишь состоятельным и зажиточным крестьянам.

В очерке «Ловля вьюнов» Сержпутовский раскрывает причины бедственного положения белорусского крестьянина-полешука, его тяжелых условий жизни. «И хотя тут жители обрабатывают поля, — пишет Сержпутовский, — и много затрачивают труда на ведение сельского хозяйства, но хлеба родится так мало, что его не хватает даже до декабря»². Поэтому крестьянин вынужден изыскивать другие средства для пропитания, заниматься разного рода промыслами и ремеслами, хотя ни одно из этих занятий не приносит достатка в дом полешука. В этом очерке Сержпутовский описывает адский труд полесского рыбака: «Не легкая это работа: целый день стоит на одной ноге в глубоком челне, рискуя каждую минуту свалиться в тину, питается только одними вьюнами, спит на голой земле под открытым небом во всякую погоду, а тут мириады комаров и мошек сосут кровь, забираются в нос, уши и причиняют невыносимые мучения»³.

¹ А. К. Сержпутовский. Борничество в Белоруссии, стр. 18.

² «Живая старина», 1907, вып. IV, стр. 207.

³ Там же.

Большинство своих научных работ А. К. Сержпутовский посвятил своей родине — южной части Слуцкого уезда и, в частности, деревне Чудино и окрестным населенным пунктам. Эта часть Белоруссии им была наиболее всесторонне изучена. Такая локализация научных исследований давала возможность глубоко познать и осветить особенности народного быта и культуры населения данного района. Это также имело большое значение и для определения отдельных этнографических районов Белоруссии. Научную ценность с этой точки зрения имели отчеты А. К. Сержпутовского об этнографических экспедициях¹.

Хорошее знание жизни своего народа, его материальной и духовной культуры А. К. Сержпутовский показал и в многочисленных рецензиях на труды, относящиеся к белорусской этнографии. Рецензии его отличаются критическим и строгим подходом к работам в этой области. Приведем примеры. Давая общую положительную оценку работы А. Харузина «Славянское жилище в Северо-Западном крае», Сержпутовский указывает на неполноту и ошибочность ее некоторых выводов автора. Харузиным, замечает Сержпутовский, для исследования жилища белорусов взята лишь западная часть Белоруссии, граничащая с Польшей и Литвой, а из Минской, Могилевской и Витебской губерний (коренной Белоруссии) приводится лишь небольшой сравнительный материал. «Такой неудачный, — пишет А. К.

¹ Отчеты находятся в архиве ГМЭН СССР, дд. № 193, 194 и др.

Сержпутовский,—для целей исследования выбор местности неизбежно должен был в почтенном труде г. Харузина вызвать некоторые пробелы и неточности. Так, мы не находим в книге автора достаточных указаний на столь распространенные в полесской части Белоруссии, расположенной по среднему течению левых притоков реки Припяти, хозяйственные сооружения, которые устраиваются на столбах, как то: «свиронки», клетки, «одры» (устроенные на деревьях палатки для пчелиных ульев), «оденки» или «сцезжары» (основания для стогов хлеба или сена), палатки на деревьях для ночлега и засады при охоте на медведей, волков, диких свиней, рыбацьи хатки, устроенные на сваях, детские гнезда на сучьях деревьев, охотничьи помещения в дуплах огромных деревьев и т. п. сооружения, более или менее приподнятые над поверхностью земли»¹. А. К. Сержпутовский вполне обоснованно высказывает свое несогласие с предложениями Харузина о том, что однокамерной хате белорусов в современном ее виде предшествовала клеть.

Труды А. К. Сержпутовского, его активная деятельность по собиранию этнографических коллекций вызвали в свое время широкое одобрение со стороны научной общественности и печати. На страницах журналов «Живая старина», «Русский филологический вестник» и других неоднократно печатались отзывы на работы ученого и освещалась его научная деятельность.

¹ «Живая старина», 1907, вып. III, стр. 37.

Большинство этнографических работ А. К. Сержпутовского не было опубликовано и осталось в рукописях. Из сохранившихся рукописей рассмотрим его работу «Белорусы-полешуки (этнографический очерк). Постройки, занятия и поверья крестьян северной половины Мозырского и южной части Слуцкого уездов Минской губернии (38 чертежей и рисунков)», написанную в 1908 г. и представленную в этнографический отдел Русского музея в качестве пояснения к собранным в 1906 г. коллекциям.

Во введении автором дается краткая географическая и историко-бытовая характеристика обследованной территории Полесья. А. К. Сержпутовский, в частности, отмечает, что на Полесье в силу природных и исторических условий население отдельных деревень живет изолированно, и поэтому в его быту в значительной степени сохранились архаические пережитки, элементы древнего уклада жизни. Однако, отмечает далее автор, в последнее время эта замкнутость и архаика быстро исчезают и могут быть утрачены. Отсюда изучение быта, устнопоэтического творчества и верований полешуков представляет особый научный интерес. Но у нас,— пишет Сержпутовский,—еще мало внимания уделяется «изучению своего отечества в его прошлом и настоящем»¹.

В первой главе («Жилые и служебные постройки (будоўля) и другие сооружения») подробно характеризуются поселения, жилища

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 574, л. 3.

и хозяйственные постройки полешуков. Сержпутовский подчеркивает, что в способах устройства, технике сооружения, планировке и прочих чертах жилища и хозяйственных построек у разных слоев населения Полесья нет существенных отличий.

Различия наблюдаются лишь в социальном плане, в добротности, размерах и количестве построек. Дома и другие помещения у зажиточных крестьян размером больше и сделаны из толстых бревен, двор богача имеет много подсобных и хозяйственных строений. Убоги и немногочисленны постройки бедняков. Описание усадьбы автор иллюстрирует чертежами планировки усадеб и дворов различных населенных пунктов Слуцкого и Мозырского уездов.

Размещение поселений и их планировку автор связывает с местными природными условиями. На берегах рек, указывает Сержпутовский, усадьбы располагаются в один ряд, улицей служит пологий берег реки. Зачастую имеется тенденция на одной стороне улицы размещать жилые и хозяйственные постройки, а на другой — огороды и гумна.

Особое внимание уделяет автор описанию жилого помещения (хата, хатальня, хатка, халупка), являющегося важнейшим и первостепенным сооружением крестьянина. В главе дается подробное описание внутренней планировки и интерьера жилья, а также подсобных помещений — сеней, клетки, чулана, варивни и пр.

В конце XIX в. на Полесье еще нередко можно было увидеть курную хату. Однако в

настоящее время, пишет автор, уже мало курных хат, так как полешуки, познакомившись с устройством домов у переселенцев, начали их строить с дымоходами. А. К. Сержпутовский отмечает одну особенность, присущую некоторым курным хатам Полесья. Здесь иногда устраивали печь таким образом, что ее устье выходило в сени. Так сооружали печи обычно крестьяне, занимавшиеся гончарным делом, имевшим в то время широкое распространение среди полешуков.

Сержпутовский отдельно описывает различные хозяйственные и подсобные сооружения на Полесье. Так, особенностью свирна, например, являлось то, что он возводился на четырех столбах. Между нижним венцом и столбами прокладывались предохранительные деревянные круги, которые не давали возможности проникать в амбар крысам и мышам. Такой тип постройки не страдал от наводнений, а свободная циркуляция воздуха под полом предохраняла хлеб от порчи.

Полесские гумна строились меньшего размера, чем в полевой части Белоруссии. Они предназначались только для обмолота зерновых, поскольку необмолоченные хлеба хранились в скирдах.

Характеризуя кузницы, Сержпутовский указывает на ту особенность, что на Полесье они до последнего времени были общественными сооружениями. Кузнецом (ковалем) был крестьянин, который обслуживал население данной деревни при непосредственном участии заказчика, помогавшего ему ковать, дуть мех, приносить необходимый материал

(железо, угли и пр.). Крестьяне-заказчики за услуги отработывали в хозяйстве кузнеца или же платили ему натурой (хлебом, солью и другими продуктами).

Выполнять посторонние заказы от крестьян соседних селений кузнец не имел права. В случае, если он нарушал эти правила, его лишали права быть кузнецом.

Появление частных кузниц, в которых изготовлялись изделия за деньги и на рынок, Сержпутровский объяснял проникновением в деревню капиталистических отношений, развитием обмена и оживлением торговли.

Завершается глава описанием процессов выделки кирпича, устройством речных переходов и других дорожных сооружений.

В частности, автор говорит, что на Полесье речки до последнего времени перегораживались ёзами (сооружение из кольев и ветвей). Эти ёзы одновременно служили и переходами через речки. Однако переходы через них с грузом были связаны с немалым риском.

«Жутко смотреть, — пишет Сержпутровский, — когда иная женщина с положенным в колыбель за плечами грудным ребенком идет по такому мосту. Под ногами шумит и клоочет вода, «ёз» шатается, колья трещат, а мать с каким-то окаменевшим бесстрашным выражением на лице медленно и плавно подвигается вперед, проделывая руками какие-то магические пассы. Страшно. Невольно думается, что вот-вот один неверный шаг или неловкое движение и несчастная женщина вместе с ребенком ринется в омут. Действи-

тельно несчастные случаи здесь нередки»¹. Автор указывает далее на крайне неудовлетворительное состояние путей сообщения и характеризует способы сооружения гатей, мостов, плотов, переправ и пр.

Специфику жилища Полесья автор связывает с географическими и бытовыми условиями. «Из этого краткого очерка,— пишет Сержпутовский,— можно усмотреть, что своеобразные условия местности и замкнутый образ жизни имел большое влияние на развитие как жилых и служебных построек полешуков, так и на появление у них тех или иных сооружений»².

Вторая глава — «Занятия и промыслы» — посвящена характеристике способов и приемов ведения земледелия, описанию сельскохозяйственных орудий, развитию животноводства, лесных промыслов, бортничества, собиранию грибов, ягод, орехов и прочего и, наконец, домашних промыслов — бондарного, обработки льна и ткачества.

Земледелие и скотоводство автор считал единым занятием, раздельное существование которых в условиях Полесья невозможно. Почти круглый год трудился крестьянин на своем хозяйстве. «В силу неурожайности почв,— пишет Сержпутовский,— и первобытного ведения хозяйства, на которое затрачивается слишком много труда, для занятий другими промыслами остается слишком мало времени».

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 574, лл. 82—83.

² Там же, л. 89.

Таким образом, крестьянин от снега до снега неустанно работал на земле, которая не только не оправдывала затраченный труд, но и не давала необходимых средств для жизни. Из всех культур наиболее урожайными были просо, гречиха и картофель. Констатируя, что картофель появился в Белоруссии позже, Сержпутовский пишет: «Даже трудно представить, как здесь жили люди, не имея картофеля, который в наше время является главной составной частью пищи...» Полешук никогда не ел чистого хлеба. В прежние годы,— продолжает автор,— в хлеб подмешивали мякину, пырей, а иногда и кору деревьев.

В землепользовании на Полесье, указывал ученый, еще в начале XX в. существовали остатки крепостничества. Так, сохранилось сервитутное право на пользование лесом и болотом по лицензиям, выданным помещиками крестьянам.

В главе содержатся любопытные материалы, отражающие взгляды людей на собственность вообще и на помещичью в частности. «Полешук,— пишет автор,— не может понять, как может считаться собственностью то, на приобретение чего не затрачено никакого труда. Природные богатства крестьянин считал «божьем даром», как и вообще воздух, солнце и землю, данным на потребу всем людям». Сержпутовский указывал, что недовольство крестьянства несправедливым распределением материальных благ и незаконным присвоением их помещиками приводило нередко к самовольным захватам у эксплуататоров земельных и лесных угодий.

Далее А. К. Сержпутовский характеризует одно важное обстоятельство, которое сыграло существенную роль в изменении быта жителей Полесья. В послереформенное время началось хищническое истребление леса. На этом «предприимчивые лесопромышленники в короткое время сами нажили огромные капиталы... Сюда нахлынула волна пришлых рабочих, приказчиков, комиссионеров и т. п.». С началом лесных разработок улучшились пути сообщения, повысился спрос на сельскохозяйственные продукты. На Полесье появились представители различных национальностей — русские, украинцы, латыши, эстонцы и др. «Этот пришлый элемент,— пишет Сержпутовский,— оказал большое влияние на весь уклад примитивной хозяйственной жизни полешуков и внес новые черты... Произошла полная ломка в натуральном хозяйстве».

Но к началу XX в. строительный лес был хищнически истреблен, заглохли промыслы, и крестьяне, когда-то забросившие свое хозяйство, вынуждены были опять вернуться к прежнему способу жизни. Это привело к резкому снижению жизненного уровня населения Полесья. «Примитивное, брошенное сельское хозяйство,— пишет автор,— не может давать средств к существованию». Ухудшению благосостояния народа, отмечает далее исследователь, кроме этих причин, «способствуют и многие другие экономические и социальные причины». Эти причины Сержпутовский не раскрывает в своей работе, а дает только намек на несправедливость существующего социально-политического строя. Вы-

ход из создавшегося положения А. К. Сержпутровский видит в «коренном преобразовании всей хозяйственной жизни, чтобы избавить полешуков от неизбежного вымирания».

Сержпутровский в своем исследовании особо выделяет вопрос о тяжелом положении женщины. «Кроме общих работ по сельскому хозяйству, — указывал Сержпутровский, — на долю женщины выпадает труд по обработке огородов, домоводству, приготовлению пищи и одежды...» Касаясь способа ведения огородничества и отмечая, что им занимаются исключительно женщины, А. К. Сержпутровский пишет: «На ведение домашнего хозяйства и приготовление пищи у женщины уходит все время. Хозяйка встает раньше всех, непрерывно хлопочет весь день и ложится спать позже других. Она толчет в ступе (черт. 34, 35) крупу, мелет ручными жерновами зерно на хлеб (черт. 36—38), prepares хлеба, стряпает пищу, убирает избу, кормит свиней, кур, гусей, уток, телят, нянчится с детьми, ходит за водой, часто сама пилит и колет дрова, доит корову, выгоняет на пастбище и встречает скот, овец и свиней, собирает в огороде и на пашне, или сенокосе — словом, не имеет никогда свободного времени. Но это еще не все. Ей надо вырастить лен и коноплю, изготовить кудель, прясть, соткать и сшить белье, изготовить домашнее сукно для верхней одежды и т. п. Если сюда прибавить грубое обращение мужа, рождение детей, болезни и другие житейские невзгоды, то нужно удивиться, как полесская женщина выносит такую жизнь и как

некоторые из них доживают до глубокой старости. Тяжела беспросветная жизнь полешука, но еще тяжелее житье-бытье полесской женщины»¹.

Таким образом, рассмотренные работы А. К. Сержпутовского в области белорусской этнографии посвящены характеристике различных черт общественного и семейного быта, производственной деятельности, занятий, материальной культуры белорусского народа, показу социально-экономического положения трудящихся белорусского Полесья в дореволюционные годы. Они являются большим вкладом в белорусскую этнографию.

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 1, оп. 2, № 574, лл. 154—155.

Из глубин народной мудрости

А. К. Сержпутовский внес не менее значительный вклад в развитие белорусской фольклористики и языкознания. С большой любовью к своей родине, своему народу он по крупице собирал жемчужины народной мудрости, бережно записывал шедевры народного художественного слова, изучал особенности говоров крестьян родного ему Белорусского Полесья.

Собранные Сержпутовским устнопоэтические произведения белорусского народа опубликованы в трех сборниках¹, а также в отчете о поездке в Гомельскую губернию в 1926 г.² и в некоторых других изданиях³. Готовил-

¹ А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. (Материалы к изучению творчества белорусов и их говора). СПб., 1911; А. Сержпутоўскі. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павета. Матэрыялы да вывучэння беларускае мовы, этнаграфіі і літаратуры. Л., 1926; А. К. Сержпутоўскі. Прымхі і забавоны беларусаў-палешукоў. Мінск, 1930.

² А. К. Сержпутовский. Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году. Минск, 1926.

³ А. К. Сержпутовский. Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина Слуцкого уезда, Минской губернии. СПб., 1911.

ся им к печати и сборник белорусских пословиц и поговорок, неполный экземпляр рукописи которого хранится в архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора Министерства культуры Белорусской ССР.

Сержпутровский подготовил также к изданию сборник «Песни Могилевщины», в который вошло около 250 текстов. Однако разыскать сборник не удалось. Между тем записи, по-видимому, представляли особенную ценность, так как ученый совместно с композитором Я. В. Прохоровым записал на фонографе 75 напевов белорусских народных песен¹. Сборник мог иметь нотные примеры.

Почти во все крупные дореволюционные этнографические труды, особенно посвященные изучению духовной культуры белорусского народа, исследователи включали и фольклорные произведения. Можно предполагать, что некоторые из них были включены Сержпутовским в подготовленную им к печати книгу «Быт белорусов», судьба которой неизвестна.

В тот период, когда Сержпутровский начал записывать народно-поэтические произведения, в фольклористике господствовало мнение, что надо собирать и изучать главным образом «классический» фольклор как наиболее важный. Однако новое время, в которое уже утвердились капиталистические отношения не только в городе, но и в деревне, вызвало изменения в содержании и форме фольклорных произведений. В белорусском народ-

¹ «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 342.

ном творчестве быстро развивалось мощное сатирическое направление, ярко отразившее обострение классовой борьбы в России. Интерес к сатирическим произведениям в народе значительно возрос. Однако буржуазные фольклористы явно недооценивали новые явления в народнопоэтическом творчестве. Е. Р. Романова, например, тревожил рост популярности народной сатиры. Он писал, что «молодежь отвергает «старые» сказки (мифические, разумеется), осмеивает их, и во всяком случае, не в состоянии оценить надлежащим образом перлы белорусской поэзии, пробаваясь мелкими «смешными» (т. е. юмор. и сатир.) сказками»¹.

Совершенно иначе относился к новым явлениям в фольклоре Сержпутовский. Не отрицая большого значения «классического» фольклора, он высоко оценивал и новые сатирические и юмористические народные произведения. Хорошо понимая их общественно-воспитательную роль, он уделил большое внимание их записи и публикации. Не удивительно, что в сборниках Сержпутовского преобладают сказки с острым социальным содержанием, очень мало волшебных и почти отсутствуют сказки о животных.

Большая заслуга Сержпутовского состоит также в том, что он записывал народные произведения в менее изученной части Белоруссии (главным образом, в южной части Мозырского и Слуцкого уездов). Записи Сержпутов-

¹ Е. Р. Романов. Белорусский сборник, т. I, вып. 3. Витебск, 1887, стр. XI.

ского отличались научной точностью. Прежде всего он стремился сохранить социально-критическую направленность этих произведений, а также диалектные (лексические, фонетические) и другие речевые особенности говоров крестьян. Положительную роль в этом сыграло отличное знание исследователем родного ему белорусского языка, быта, обычаев и обрядов. Не случайно Е. Карский отмечал, что сборник «Сказки и рассказы белорусов-полешуков» представляет большую ценность для языкознания. Вместе с тем он заметил, что в сборнике впервые помещены «рассказы с явно политической окраской»¹. Отдельные рецензенты расценивали появление таких рассказов с «политической окраской», как недостаток сборника Сержпутовского. Д. Зеленин считал, например, что фольклористика должна заниматься изучением «пережитков старинного народного творчества». Он писал, что сборник Сержпутовского более ценный диалектологу и историку литературы, чем фольклористу. Многие рассказы Зеленин относил к произведениям индивидуального творчества, мало интересного для фольклориста². Такие утверждения Зеленина были явно ошибочны и с ними нельзя согласиться.

Высокую оценку сборникам сказок и рассказов, записанных Сержпутовским, давали некоторые советские ученые. О красоте языка, отточенности, поэтичности и художествен-

¹ «Русский филологический вестник», т. LXVIII. Варшава, 1912, стр. 266.

² «Живая старина», СПб., 1912, вып. II—IV, стр. 505—508.

ности формы сказок и рассказов, собранных Сержпутовским, писал, например, Б. Эпимах-Шипило в своей рецензии, помещенной в «Записках отдела гуманитарных наук»¹. Он ставит сказки, включенные в сборники Сержпутовского, выше записанных Шейном, Романовым, Федоровским. «Сказки и рассказы, собранные Сержпутовским, оказались очень интересными и красивыми, большая заслуга перед белорусской этнографией, диалектологией и литературой принадлежит ему, так как он смог отыскать богатые источники народного творчества, отыскал талантливых сказочников-художников, смог найти к ним подход и по-художественному записать их рассказы», — писал Эпимах-Шипило.

В своей фольклористической деятельности Сержпутовский придавал важное значение изучению места и роли художественного творчества в жизни трудящихся, т. е. во многом следовал советам Н. А. Добролюбова, который в рецензии на сборник сказок Афанасьева писал: «Всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку»².

¹ Записки аддзела гуманітарных навук. Працы класа філалогіі, т. I. Мінск, 1928, стр. 378.

² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в шести томах, т. I. М.—Л., 1936, стр. 429.

Сержпутровский стремился в своих пояснениях к сборникам показать, как относится сам народ к собственным устнопоэтическим произведениям. «Народ,— пишет он,— смотрит на сказочные эпизоды, как на действительно бывшие события. Недаром, при разговорах, ссылаются на те или иные сказания, передающиеся в известных сказках, рассказах и т. п. Это напоминает те ссылки из области исторических фактов, какие делают образованные люди для подтверждения своей речи»¹.

Фольклорные произведения Сержпутовскому приходилось записывать в разнообразных условиях: «в лесу, в поле, на ночлеге, во время отдыха от сенокосных или полевых работ, на ночевках в пути, в пасеках или пчельниках, где-либо у костра или в доме при пылающей под лучником лучине...»² Это значит, что Сержпутровский стремился собирать народные творения в обыденных условиях их бытования.

Особенного внимания заслуживает методика записывания Сержпутовским народно-поэтических произведений. Прежде чем начать запись той или другой сказки или рассказа, он близко знакомился с жителями деревни, через них выявлял талантливых сказочников. Сержпутровский всегда умел найти правильный подход к каждому сказителю. По этому поводу он писал: «Сначала я только слушаю сказку, но не записываю, а стараюсь

¹ А. К. Сержпутровский. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. IV.

² Там же, стр. II.

запомнить ее так. Потому что если сразу записывать, то каждый сказочник, стыдясь, много чего пропустит, скомкает, начнет возвращаться обратно да путать, и получится что-то ничтожное, а не художественное произведение. И только тогда начинаю записывать, когда сказочник хорошо познакомится и второй раз начнет рассказывать ту сказку. Если сказка короткая и хорошо записана, то я ее так и оставляю, а если же длинная да путаная, то я ее слушаю еще третий раз да слежу свою запись. Здесь иногда художник-сказочник добавляет всякие пословицы, поговорки да шутки, что и делает его произведение художественным»¹.

Белорусский этнограф М. Я. Гринблат, которому не раз приходилось встречаться с Сержпутковским, вспоминает, что студенты из Белоруссии, которые учились в Ленинградском университете, — фольклористы, этнографы, языковеды, историки — всегда заходили к Сержпутковскому за советом, справкой, помощью. Вместе с академиком Е. Ф. Карским, работавшим в то время в Ленинградском университете, он очень интересовался деятельностью белорусского научного кружка, который существовал при университете во второй половине 20-х годов, инструктировал отъезжающих на практику в Белоруссию студентов, как записывать фольклор и отыскивать лучших исполнителей. Таким образом, свою методику и богатый опыт записи народных

¹ А. Сержпуткоўскі. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павета, стр. V.

произведений он передавал молодому поколению.

В предисловиях к сборникам сказок Сержпутовский отводит значительное место характеристике сказочников. Он высоко оценивал их дарование, подчеркивал, что сказочники — наиболее способные и развитые люди, обладают красноречием или даром художественного творчества и склонны к философствованию. Из всех сказочников, которых приходилось встречать Сержпутовскому, он считал, например, наиболее обладающим «недюжинным художественным талантом» столетнего старика Редкого, жителя деревни Большой Рожин Слуцкого уезда. Как отмечал Сержпутовский, Редкий любил пофилософствовать и «для подтверждения того или иного своего положения переходил к рассказам или сказкам», которые умел очень занимательно передать.

Из 80 сказок, помещенных в сборнике «Сказки и рассказы белорусов-полешуков», 33 записаны от Ивана Азёмши, даровитость которого также отмечает Сержпутовский. Иван Азёмша мог рассказывать на протяжении всего длинного зимнего вечера. В его репертуаре было много сказок, легенд о леших, водяных, оборотнях, мертвецах, чертях и т. п. Особое место отводил он легендам о сотворении мира и человека, о душе, рае и аде, загробной жизни и т. п.¹ Сын Ивана Павловича Азёмши Григорий (живет в той же деревне Лучицы ныне Петриковского района) еще пом-

¹ А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. VI.

нит, как у его отца записывал сказки Сержпутовский.

Сержпутовский кратко характеризует также сказочников Савицкого, Сосновского, Лебедика, Болбата, Данилу Кулеша, Бохмачиху. Он говорит также о многих талантливых людях, никем не замеченных, которые при других условиях, может быть, стали бы национальной гордостью. Сержпутовский, например, любопытно пишет об одном молодом крестьянине-лодочнике, который, «лавируя на узком, крайне зыбком челноке и усердно работая веслом, в то же время беспрестанно рассказывал разные побасенки и импровизировал довольно длинные отрывки. Все это он говорил в стихотворной форме с богатыми рифмами. К сожалению, производить записи на зыбком челноке было крайне трудно. Кроме того, этот неграмотный полешук-поэт говорил довольно быстро. На мои расспросы он пояснил, что знает все местные песни и сказки и что у него само собой «складно» говорится. В д. Юрковичах я распрощался с оригинальным поэтом-импровизатором и больше с ним не встречался...»

Безусловно, поэтическое творчество населения белорусского Полесья было богаче, чем мы его представляем по записям дореволюционных фольклористов. Это необходимо учитывать и анализируя сказки и рассказы, записанные Сержпутовским.

Первым по времени выхода из печати и, пожалуй, лучшим и по содержанию является сборник «Сказки и рассказы белорусов-полешуков». В нем помещены произведения, запи-

А. К. Сержпутовский на отдыхе

санные Сержпутовским в 1890—1907 гг. в южной половине Слуцкого и северной части Мозырского уездов. Издан сборник в 1911 г.

Правда, произведения, вошедшие в это издание, не являются равноценными. Одни из них высокодейные по содержанию и безупречные по художественной форме, другие же, наоборот, слабые как в идейном, так и в художественном отношении.

В ряде опубликованных в сборнике сказок и рассказов отражена жизнь белорусских крестьян в период крепостного права и в пореформенное время. Записанные накануне и в период первой русской революции, эти произведения не могли не отразить противоречий в мировоззрении крестьянства того периода.

Во многих сказках и рассказах отчетливо звучат идеи освободительной и революционной борьбы («Асилок», «С чего лихо на свете», «Пану наука», «Иванко Прастачок» и др).

Важное познавательное-воспитательное значение имеют антикрепостнические сказки. Они характеризуются острой социальной направленностью и высокой художественностью. Яркое художественное отражение нашло в этих сказках изображение тяжелого положения крепостных крестьян, а также жестоких издевательств над ними помещиков.

Все антикрепостнические сказки записаны Сержпутовским в конце XIX — первой четверти XX в. В это время крепостного права уже не было. Тем не менее в народе активно бытовали сказки, отразившие жизнь и борьбу крепостных крестьян. Широкое распространение их объясняется прежде всего тем, что в па-

мяти народа в то время еще были слишком свежи воспоминания о жестоких издевательствах со стороны помещиков-крепостников. Да и после отмены крепостного права положение трудового крестьянина не улучшилось, его по-прежнему угнетали и грабили помещики. «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»,¹ — писал В. И. Ленин.

Заслуга Сержпутовского как раз и состоит в том, что он записал наиболее яркие в идейно-художественном отношении антикрепостнические сказки, которые дают богатейший материал для изучения жизни народа того периода. На большое познавательное значение народного творчества обратил внимание В. И. Ленин, который, ознакомившись со «Смоленским этнографическим сборником» В. Н. Добровольского, сказал: «Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных»². Народные мечты о расплате с эксплуататорами нашли яркое художественное воплощение в сказке «Пану наука», записанной А. Сержпутовским в конце XIX в.

Уже в начале сказки рассказчик как бы между прочим отмечает, что и теперь крестьянам «лихо», а раньше жилось еще хуже. Своеобразное введение знакомит с отношением панов к крестьянам: «Большы былі не па-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94—95.

² В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1957, стр. 610.

ны, а звяр'ё пагане. От як трапіцца такі паганы пан, та хаць лажыся да й памірай — нічым яму не ўгодзіш». Жестокий пан сравнивается с чертом: «Кажуць жэ: зачыні чорту дзверы, та ён у вакно. Гэ й ліхі пан. Ой, цяжка, вельмі цяжка было за ліхімі панамі. А ліхія паны немаль былі ўсе». В сказке подчеркивается жестокость пана, который истязал и засекал крестьян насмерть.

Конфликт между паном и крестьянами завязывается в связи с очередной выдумкой пана, который приказал мужикам приводить на продажу волов только к нему во двор, а платил чаще всего розгами на стойне. Жестокость пана особенно отчетливо обрисовывается в сказке с помощью художественных приемов сатиры — иронии и сарказма. Сам пан не лишен чувства юмора. Приводят к нему вола, а он спрашивает: «Што ж ты прывёў, асёл? Гэта ж не вол, а казёл».

В то время крестьяне еще бессознательно относились к тому, каким путем надо бороться с угнетателями, и вступали в борьбу с помещиками-крепостниками стихийно, иногда в одиночку. Таким же путем вступает в борьбу со своим поработителем и герой этой сказки, поставивший себе целью отомстить пану «за ўсе людскія слёзы да за крыўду».

Яркая комическая сцена продажи Рымшею вола поражает своей неожиданностью: платит за вола не пан, а Рымша и той же самой «монетой», которой раньше платил пан мужикам. «Пазірнуў той дзяцюк, што блізка нікога няма каля пана, паказаў яму папліску да й пытае: што гэта, пане, бяроза ці лаза? Я ж пры-

вёў к табе вала не казла... І давай пярэсіць, давай дубасіць пана тою папліскаю. Рэзаў, рэзаў, пакуль сам здаволіўся».

В сказке используется традиционный прием трючности, характерный для волшебной сказки: пана трижды посещает Рымша — то под видом лекаря-венгерца, то в качестве купца, то без маски.

Все три сцены расправы с паном комичны. Смешон пан, который сидит обнаженный в бане с привязанными к жерди руками, с ветошью во рту и крутится, как «вьюн на горячей сковороде», когда Рымша «хрысціць паганага пана па чом папало», а потом еще посыпает солью. До отвращения жалок пан в лесу, когда он, как только узнал, что опять встретился с Рымшею, со страху «у калошы напусціў». Язвительный смех вызывает и финал конфликта, когда пан остается избитым «на горкае яблыка» и без гроша.

Свою ненависть к пану народ выражает в сказке не только через динамику действий, но и через словесную характеристику с помощью разнообразных художественных средств: сравнений (пан, «бы падла», «як чорт», «не паны, а звяр'ё»); эпитетов (пан паганы, ліхі) и т. п.

Язык сказки меткий, образный и выразительный, богатый рифмами. Очень много в сказке пословиц и поговорок («Калі з чупрыны гінуць валасы, та й памяць — з галавы»; «Часам з квасам, а парою з бядою, ці бо з вадую»; «Яго й след ветрам замяло»; «Што ўложыць хам, та не выме й пан»; «Ліхога й смерць не бярэ» и др.). Пословицы и поговорки

оживляют повествование, помогают более ясно и образно передать события.

Изображению безмерно тяжелого положения крепостных крестьян посвящена сказка «Жалосливая пани». Едкая ирония заключена уже в эпитете «жалосливая». Смысл этой иронии художественно ярко раскрывается с помощью показа беспощадной эксплуатации крепостных крестьян помещиками. «Мужыкі абяднелі, пухнуць ад голаду, бо некалі хлеба зрабіць: пані зганяе па што дзень у двор». Кстати, это не единственное произведение в сборниках Сержпутовского, показывающее тяжелое положение крепостных крестьян, которых помещики заставляли работать на себя даже и в воскресенье. В сказке «Писарь», например, говорится о таком помещике: «Быў адзін ліхі пан. Цяжка пад ім жылося людзям: цэлы тыдзень хадзі на паншчыну, а што зробіш у нядзельку, й тое аддай пану». Из сказки явствует, что животные и собаки у панов ценились дороже человека: «пан за пару заграничных коней і пяток якіхсь сабак аддаў увесь маёнтак з людзьмі».

Идея неизбежной гибели эксплуататорского строя воплощена в сказке «Иванко Прастачок», в которой использован сюжет волшебной сказки о борьбе со змеем. Древний традиционный сюжет приобрел в новых условиях борьбы угнетенных масс с угнетателями острую социальную направленность и отразил нарастающие стремления трудящихся бороться против кровожадного змея — самодержавного строя.

Обреченность царизма и всех существовав-

ших в то время порядков показана аллегорически:

«Тым часам пастарэў Змей, абяссілеў і ляжыць бы падла, пачаў ён гнісці, пачаў так смярдзец, што нос верне... Прасмярдзеліся паны да й пачалі самі гнісці бы падла».

Герой сказкі Иванко Прастачок осознал, настолько несправедлив тот строй, при котором одни живут в роскоши, ничего не делая, другие же трудятся в поте лица, а живут в голоде и холоде. Не стерпел Иванко Прастачок и начал «па свеце хадзіць, у дудачку граць, людзей збіраць да ім праўду казаць. Як заграе, дык і ўбачаць людзі, што вялікая крыўда на свеце, што адны пануюць, другія гаруюць; адны багатству лічбы не маюць, другія з голаду падыхаюць. І разнёсся ад Іванкавае дудкі голас па ўсяму свету». От ужаса у панов «лыткі трасуцца», «мароз бяжыць па спіне, быццам мыш туды залезла да й скрабецца пазурамі». В конце сказкі выражається твердая уверенность в победе трудящегося народа.

Вера в неминуемый крах самодержавного строя нашла также яркое отражение в сказке «С чего лихо на свете». В ней раскрывается картина монархического строя: «зверху цяжкае каменне дробных на пясок расцерла доле; зверху іх гнятуць другія, а на тых ляжаць і ціснуць долу яшчэ цяжэйшыя; зверху ж лёг адзін вялікі камень. От гэ спрадвеку й да тых час ліха людзей давіць, ліха цісне людзей зверху к долу, бы ў кучы той каменне».

В сказке выражається уверенность в неиз-

бежной гибели эксплуататорского строя: «Трашчыць куча, трэ каменне, на жарству іх трэ на доле; трашчыць і хутка асядае, асядае ніжэ-ніжэ да ўсе ніжыцца да долу. Мабыць скоро затрашчаць падпоркі й рассыплецца ўся куча».

В произведении подчеркивается, что для победы над тиранией необходима прежде всего сплоченность людей: «Толькі тагды чалавек моцны, як ён не адзін, а жыве з другімі людзьмі ў згодзе да ў ладу. І чаго толькі не зробіць людзі, калі возьмуцца за дзела грамадою, бы адзін чалавек».

Однако эта сказка не является последовательной в отражении стихийно-материалистического мировоззрения трудящихся: значительное место отведено в ней показу деяний мифического бога и ангелов. В очень древние времена, повествуется в сказке, бог жил на земле, приходил к людям, «бы свой брат, вучыў іх, як на свеце жыць да дзетак пладзіць... І не было на зямлі ні ліха, ні дабра». Но вот богу не понравилось, что люди стали умными и гордыми. Не мог он простить им также желания стать равными с ним. Обидели бога и их мысли, что всевышний боится, как бы люди, завладев землею, «не ўздумалі й самога бога сапхнуць з неба». Бог отступился от людей, а сатана в это время научил сильнейших захватить власть над слабейшими. Так в этом произведении сделана попытка показать происхождение классов угнетателей и угнетенных. Крестьяне, создатели этой сказки, не знали и не могли знать истинных путей борьбы за свое освобождение, и поэтому многие

из них возлагали надежды на «божью помощь», верили в божье предопределение. Все это и нашло отражение в сказке.

Острым социальным содержанием отличается также сказка «Асилок». Герой сказки родился в результате чудесного зачатия от огня. Возможно, здесь отражена древняя вера в оплодотворяющие свойства огня, которому в древности поклонялись как божеству. Асилок быстро вырос и стал таким сильным, что вырывает с корнями огромный дуб, который и три человека не обхватят. Цель жизни Асилка—борьба за освобождение крестьян от гнета помещиков. К этой борьбе он призывает всех людей, которые могут победить эксплуататоров, только сплотившись в единый коллектив: «...каб гэтае ліха зламаць, трээ ўсім як адзін чалавек стаць; не грызціся паміж сабою, да ад ворагаў бараніцца гурбою». Сказка пронизана оптимизмом, который, как утверждал М. Горький, является характерной особенностью фольклора. Заканчивается она верой в неизбежность победы народа: «Але пэўна хутка тое будзе, што кожны сам сабе панам будзе. Усе людзі будуць роўна гараваць, будуць роўна панаваць».

Освободительные идеи трудового народа воплощены также в ряде других сказок о богатырях, записанных Сержпутовским. Герои этих сказок—выходцы из простого народа, борцы с античеловеческими существами — Змеем, Кощеем Бессмертным и т. п. Богатыри во всех сказках наделяются сверхъестественной силой. Как правило, для них выковывают многопудовую булаву, с помощью которой

они борются со злыми силами, и почти во всех сказках добро побеждает зло.

Иногда в классовую борьбу вступает популярный герой волшебной сказки. Примечательно, что этот герой традиционной волшебной сказки в условиях революционных бурь приобретает новые черты. В сказке «Дурак» герой соглашается освободить от гада царевну только при условии, если царь «дасць людзям слабоду, каб паны з іх не здзекваліся». Вынужден был царь согласиться и «выдаў маніхвест, што дае людзям слабоду й зямлю». Но царь не сдержал своего слова, отдал мужиков снова панам, как только спасена была его дочь. В сказке сделан вывод, что царь в своих действиях следует пословице: «як утапае, та сакерку абяцае, а як вылезе, та й тапарышчэ адбірае, бо за добрае злым запла-та». Сказка, по-видимому, восприняла идеи, которые овладели массами в период первой русской революции, когда впервые была «расстреляна» вера народа в «батюшку-царя».

Одним из лучших антикрепостнических произведений белорусского народа является записанный Сержпутовским рассказ «Мужик и пан» — шедевр белорусского фольклора. Рассказ характеризуется изумительным мастерством диалога, точностью и весомостью каждого слова, высокой образностью и меткостью характеристики, остроумным юмором, необычной для фольклорных произведений индивидуализацией персонажей.

Образ типичного помещика-крепостника вырисовывается уже в начале рассказа. Пан

прежде всего характеризуется эпитетами «паганы, злосны».

И вот такого жестокого палача не только не боится, но насмехается над ним простой, даже «нехлемяжий» мужик Стопок, обладающий хитрым умом, находчивостью и смелостью. Его зовет пан, а он «дастаў капшук, напхаў у люльку цюцюну, выняў з магалеікі губу і крамянец: узяў цагало й давай красаць агонь. От выкрасаў ён агню й давай курыць люлечку; курыць сабе да паплёўвае на чысты памост». Лакею, который передает приказ пана быстрее идти, Стопок говорит: «Не трасца трасе, няхай абаджжэ». Даже когда вторично зовет его пан, он не торопится: «...дакурыў люльку, выбіў з яе попел й схваў за пазуху й толькі тагды памаленьку пасунуўся к пану ў крэданс».

Остроумие, поразительная находчивость, своеобразная «дипломатичность» мужика особенно ярко проявляются в диалоге между ним и паном. Крестьянин начинает разговор со сцизорика (перочинного ножика). В белорусском фольклоре это выражение—«начать со сцизорика»—перешло в поговорку. Сообщив пану о том, что сломался сцизорик, Стопок постепенно рассказывает более важные новости, которыми хочет «добить» пана: подохла панская собака, пал жеребец, сгорел свинарник, оборя, дом, наконец — умерла пани. И когда пан начал плакать, убиваться, Стопок его «обрадовал» новым сообщением, что бог дал пану и прибыль: «Большая панская паненка сына мела. Гожи, кажуць, хлапчук, ці бо паніч, от рыхтык, як выліты панскі хур-

ман Мікіта». И этим Стопок «добивает» пана: «Пачуўшы тое, пан зваліўся з крэсла».

Всего несколькими словами, но достаточно отчетливо и метко характеризуется в рассказе панский лакей. Вот он, «бы сабака, бяжыць наперадзе да адчыняе дзверы». В сказке лакей попадает в комическую ситуацию. Панский холуй хочет, чтобы простые люди его также принимали за пана. Это заметил Стопок и называет его «паночкам». Но лакея ждет горькое разочарование, когда он спрашивает у Стопока, откуда тот знает, что он также пан. «Адкуль знаю — бачу, — отвечает Стопок. — Ты пан — не пан, а так сабе — палу-панак, бо ў цябе нос нізкі, лоб слізкі, от і бачно, што лізаў панскія палуміскі». Рассказ этот глубок по идейному смыслу и в то же время высокохудожествен по форме. В нем, как и в других рассказах, записанных Сержпутовским, много пословиц, поговорок, афоризмов («новае сітка на калочку вісіць, а старое пад лаваю ляжыць»; «без нажэндзя й вошы не заб'еш»; «як топішся, та й за брытву хопішся»; «сказаць не па шэрсці» и др.), язык рассказа зачастую рифмованный в стиле райка. Оригинальны метафоры, насыщенные народным остроумием: «Хацеў тут лёкай ухваціць Стопака за каўтуны да, як кажуць, паслаць яго з валасянога апраўлення да ў земскі суд».

Язык персонажей рассказа является важным средством индивидуализации их образов. Пан говорит на польском языке. И это не случайно: некоторые помещики Белоруссии были поляками, предки которых в свое время

стремились ополячить и окатоличить белорусский народ. В XVI—XVIII вв., когда Белоруссия находилась под властью Речи Посполитой, многие белорусские помещики принимали католическую веру и стремились говорить по-польски, чтобы иметь равные права с польскими помещиками-католиками. Поэтому в анализируемом нами сатирическом рассказе отражена ненависть крестьян к помещикам не только как к эксплуататорам, но и душителям национальной свободы. Яркая и выразительная, эмоциональная и остроумная речь Стопока, насыщенная меткими пословицами, поговорками и изречениями, заключающими в себе глубокую народную мудрость, очень хорошо характеризует типичного представителя трудящихся масс. Подобные классические произведения народной прозы оказали значительное влияние на развитие жанра рассказа в белорусской литературе.

Значительно меньше произведений посвящено антикрепостнической теме во втором сборнике Сержпутовского «Сказки и рассказы белорусов Слуцкого уезда», изданном в 1926 г. Фольклорные произведения, опубликованные в этом сборнике, записаны в 1890—1923 гг. в деревнях Чудино и Большой Рожин Слуцкого уезда. Некоторое снижение революционного пафоса антикрепостнической сатиры в произведениях этого сборника и объясняется прежде всего тем, что записи сказок и рассказов, включенных в книгу, производились Сержпутовским во многих случаях позже, чем произведений, помещенных в его первом сборнике. С течением времени из

памяти народной все более и более стирались представления об условиях жизни крестьян в период существования крепостного права.

На фоне замечательных природных условий помещичьего имения в Полесье, где земля такая урожайная, что «пасадзі дзіця, дык і тое вырасце», где сенокосы мурожные, а сад, как «в раю», обрисованы жестокие и омерзительные паны в рассказе «Пан и мужик». Богатства в имении столько, «аж будоўля ломіцца». «Такая пану жытка, што й паміраць не трэ. Але што паны, яны заўжды ад добра круцяцца... А, ведама, так заўжды, калі што не так, дак вінават мужык.—А даць яму сто гарачых,—крычыць пан».

В рассказе слышатся еще отзвуки существовавшего в период раннего феодализма права помещика на первую ночь с выходящей замуж крестьянкой: «Там была, бачыце, такая павядэнца, што пакуль дзеўка не сходзіць к пану, датуль няможна рабіць вяселля. От было нагоняць к пану дзявок цэлую чэраду, бы авец, а ён бярэ ці к сабе, ці гасцям».

Показ аморального облика панов имел, безусловно, реальную жизненную основу. Это подтверждает записанный Сержпутовским на Полесье следующий случай:

«Этот господин (помещик), пользуясь нуждой местных жителей, в буквальном смысле слова, покупает у матерей малолетних девочек для удовлетворения своих звериных инстинктов. Делается это открыто, на виду у всех. Несколько девочек лет 12—15 за 10—20 рублей матерями предварительно отводятся в баню, а оттуда в дом помещика, где он

устраивает «райские вечера» в компании своих товарищей»¹.

Безудержный разгул и паразитизм — вот черты, которыми характеризуется помещик в рассказе «Пан и мужик».

Остроумным комизмом пронизана сцена встречи крестьян с новым паном, который ничего не смыслит в качестве пахотной земли, а хочет показать себя перед людьми «знатоком»: берет в руки землю и даже ложит себе «в губу». Один из мужиков говорит пану: «Толькі тагда ад зямлі пазнаць смак можэш, як на яе г... паложыш».

Таким образом, народный юмор в конце рассказа переходит в едкую сатиру на помещиков-крепостников.

Сержпутовский впервые опубликовал значительные по объему народнопоэтические произведения, представляющие собой сплошной диалог. Диалог давно используется исполнителями народных произведений в разнообразных фольклорных жанрах.

Диалогическая форма произведения вместе с тем является замечательным средством воплощения важнейших идей, волновавших широкие народные массы. Так, рассказ «Овсяная дворяня» построен на сплошном диалоге. В нем очень удачно показано положение дворовых людей и их борьба за улучшение условий своей жизни. Как и во многих других произведениях, в рассказе диалог имеет большое значение для индивидуализации персонажей. Речь пана, например, очень легко раз-

¹ Архив ГМЭН СССР, ф. 2, оп. 2, д. 289, л. 11.

личить по обилию в ней польских слов. Очень образной, меткой и выразительной является речь крестьян («кішкі, бы халява», «кідае ў горла адзін за другім сухія яршы, бы ў прорву», «не пляці ты лапці, не чмуці. Мы самі з вусамі», «бачу іх (паноў) навывлет»).

Беспощадна народная сатира в изображении быта панов в оригинальной белорусской сказке «Недопад»¹. Рассказчик говорит, что раньше были паны «такія пышныя да грозныя, што ты й не падступіся, баццэ наравістая кабыла». Барская жизнь, в представлении народа, — жизнь паразитическая, нечеловеческая. Человек не может жить без труда. Паразитизм и жестокость, чревоугодие и обжорство, стремление к тому, чтобы «усё было не па-людску» — вот чем характеризуются в сказке паны в быту. Чтобы удовлетворить неестественно изощренные вкусы пана, мужик должен был готовить ему каждый день новое блюдо. Но из чего он готовил, «якім толькі брудам не карміў паноў!» «Але, ведама, паны не сабакі — усё з'ядзяць ды яшчэ абліжуцца», — говорится в сказке и перечисляются некоторые блюда: верещака из мышиных хвостов, кошачьих внутренностей и жаб, ужовая яичница и др.

Конфликт нарастает и достигает кульминационного пункта, когда мужик готовит панам блюдо «недопад», «продукты» для которого он подобрал от коров, унавоживавших двор. «Зірнуў п'янчужка, штось прыдумаў да

¹ А. Сержпутоўскі. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павета, стр. 137—140.

й падставіў карове палімусяк». Изготовил он «недопад». «Накінуліся на яго (на блюдо) паны, бы сабакі на косці, або свінні на мякіну».

Едкой сатирой наполнена и сама развязка сказки. Когда мужик получил расчет, он по просьбе гостей рассказывает, из чего был приготовлен «недопад». После этого «насілу вычухаліся» паны, говорится в сказке. С помощью гротеска и утрированного показа жизни и быта панов достигается одна из основных целей сказки—унизить и высмеять угнетателей народа.

В конце XIX—начале XX в., т. е. в период, когда А. К. Сержпутовский записал большую часть народнопоэтических произведений, усиливается классовая дифференциация деревни. Росло количество крестьянских дворов, не имеющих земли и лошадей. Вместе с тем в это же время зажиточная часть деревни увеличивала свои богатства за счет бедных крестьян и скупки земли у помещиков.

Кулацкие хозяйства пользовались в это время огромными площадями земли, сосредоточив к началу XX в. почти половину сельскохозяйственного производства. Подводя итоги процессу классовой дифференциации деревни, В. И. Ленин отмечал: «Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания»¹.

В произведениях, помещенных в сборниках Сержпутовского, процесс классового рассло-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 396.

ния деревни нашел более яркое отражение, чем в народнопоэтических произведениях, опубликованных ранее другими белорусскими фольклористами.

Характерно, что в сборнике сказок и рассказов Сержпутовского, опубликованном в 1911 г., социальной дифференциации в деревне посвящено значительно меньше произведений, чем в его сборнике, изданном в 1926 г. Объясняется это тем, что во второй сборник вошли также произведения, записанные в 1908—1923 гг., когда классовые противоречия между бедными и богатыми крестьянами обострились.

Очень часто в сказках и рассказах сборников Сержпутовского в антагонистические отношения вступают богатые и бедные братья («Лихая доля», «Правда и кривда», «Как братья делились» и др.).

Не зная истинных причин, порождающих социальное неравенство, обнищание одних и обогащение других за счет эксплуатации беднейших, трудящиеся иногда пытались объяснить все свои беды не зависящими от людей причинами. Многие из них считали, что все заранее predetermined всевышним. Но даже и в тех произведениях, в которых счастье крестьянина ставится в зависимость от доли, утверждается активная роль человека в борьбе с трудной судьбой.

В отличие от других белорусских фольклористов Сержпутовский записал такие сказки, в которых наиболее ярко отражено стремление дать философское толкование причин неравенства, счастливой доли одних и не-

несчастливой других. При этом важно отметить, что если в сказке, опубликованной П. В. Шейном¹, счастье (в представлении бедного, полуголодного крестьянина счастье—это прежде всего достаток, богатство) достигается нечестным путем—спекуляцией, то в сказках, записанных Сержпутовским, достижение счастливой доли неразрывно связывается с трудом.

Основной идейный смысл сказки «Лихая доля» заключен в концовке: «...на свеце толькі той шчасце мае, каму доля спрыяе, або хто сваю долю да ў руках трымае. Бо без ушчунку й ад долі няма ратунку». В сказке подчеркнута, что избавиться от горькой доли можно только путем борьбы, а не по «божьему велению».

Два брата, о которых рассказывается в сказке, «разам радзіліся, разам хрысціліся, адзін бацька з маткаю іх гадаваў, да не аднакую ім бог долю даў». «Большы брат што дзень, то багацее, а малодшы, як ён ні працуе, а што дзень, та ўсё бяднее». Доля в сказке показана в человеческом облике. Бедняк только тогда добивается лучшей жизни, когда прибирает долю к своим рукам. «От схапіў бядняк яе за косы,—говорится в сказке,—да давай пярэсціць кіем, да давай вучыць, як на свеце жыць».

Таким образом, народные произведения художественно ярко отразили раздумья тру-

¹ П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. II. СПб., 1893, стр. 157—158.

дящихся о борьбе за счастливую жизнь, за лучшую долю.

В сборниках Сержпутовского помещены также рассказы и сказки, отображающие стихийное стремление крестьян понять, каким путем наживается богатство.

В сказке «Правда и кривда», например, говорится, что «Крыўда нічога сам не рабіў, а толькі галавою круціў да каго мог крыўдзіў, дак ён сабраў багатства і жыў сабе як пан».

Народные сказки, как правило, не очень богаты развернутыми психологическими характеристиками образов. Характеристики персонажей чаще всего вырисовываются в действии. Однако в сказке «Кто выдумал гроши» психологической обрисовке Мекинника отводится значительное место. При этом его образ становится сатирическим. Мекинник настолько скуп, что даже жалеет людям воды. Он очень богат, у него «поўны хлявы гаўяда, а трасецца, як здохне паршывае парсятка; свіран ломіцца ад хлеба, а яму ўсё мала — крукам вісіць над кожным зярняткам і нікому не дасць і панюхаць. Сваё гніе ў засеках, а ён завідуе, калі ўбачыць у людзей якую-небудзь слімазарную пашніцу. Ад хці-васці высах, як ражон, а нішто яго не наталіць. От ён пачаў ужо есці толькі адзін раз у дзень да й то бульбу, або мякіну намесіць з бульбаю, спячэ на вуголлі да есць з халоднаю вадою, а каб было смачней, дак яшчэ пасыпае попелам».

Переход к таким развернутым психологическим характеристикам — одна из отличи-

тельных черт народнопоэтических произведений, возникших в эпоху капитализма. Новое содержание требовало новой формы. В этих сказках отразилось стремление понять сущность некоторых явлений при капитализме. Интересен эпизод, аллегорически показывающий, каким путем и откуда эксплуататоры наживают богатство: «От назбіраў чорт поту, слёз да крыві людзей, наліў у кацёл, варыў-варыў да й выварыў золата»,—повествуется в сказке.

В народных произведениях о бедных и богатых распространен прием антитезы. Жестокый, жадный и скупой богач противопоставляется трудолюбивому и благородному бедняку. Яркий пример такого противопоставления находим в сказке «Богатый и бедный». Бедный, у которого в кармане всего лишь три гроша, делится с нищим последними копейками. Богатый же жалеет свои деньги и одолжает два гроша у бедного. Однако вернуть долг обратно бедняку он не собирается. И чтобы отвязаться от него, прикидывается мертвым. Поняв обман, бедняк решает обмыть «покойника» кипятком. Обличая безграничную скупость богача, сказка наделяет его своеобразной «стойкостью и выдержанностью»: чтобы не отдать два гроша, богач выдерживает даже мытье кипятком.

С большой сатирической силой в белорусском фольклоре высмеивается церковь и духовенство. В сборниках А. Сержпутовского нет ни одного произведения, в котором поп наделялся бы положительными чертами. И это не случайно. Трудящиеся считали попов

такими же угнетателями, как и панов. Церковь, монастыри и многие священнослужители были крупными землевладельцами. В 1905 г. церковь и монастыри, которые находились в белорусских губерниях, пользовались 172 660 десятинами земли¹. Возделывали эту землю не попы, а крестьяне, чаще всего батраки и бедняки. Кроме того, тяжелым бременем ложились на крестьян большие поборы церковников за отправленные разных религиозных обрядов. Не случайно, что среди белорусского народа были распространены такие пословицы как: «Радзіся, жаніся і памірай, а ўсё папу грошы дай»; «Поп «праведна» жыве: з беднага дзярэ ды ў кішэнь кладзе»; «У папа пуза таўсее, а ў мужыка спіна млее» и многие другие.

В сказках и рассказах, помещенных в сборниках Сержпутовского, «Завидный поп», «Новый черт», «Иной сон как в руку даст», «Три ксендза», «О том, как ксендзы вылечились», «Мужик, пан и ксендз» и других разоблачается жадность, скупость, паразитизм, аморальность, ханжество и лицемерие «божьих» слуг. Вот несколько примеров из сказок, записанных Сержпутовским.

Жадный поп натягивает на себя козлиную шкуру и под видом черта идет к крестьянину, чтобы отнять у него деньги («Завидный поп»); за деньги поп хоронит по-христиански собаку и даже жалеет, что его не приглашают больше на собачьи похороны («Собака и деньги»).

¹ Документы и материалы по истории Белоруссии, т. III. Минск, 1953, стр. 171, 173.

Паразитический образ жизни, безделье, обжорство высмеиваются в рассказе «О том, как ксендзы вылечились». «Божьи служки» собирались ехать лечиться «на воды». Но народ им «прописал» свое лекарство: труд. Очутились ксендзы среди рабочих бровара. Поработали они недели две, «і пачало з ксяндзоў спадаць сало, а цераз нядзель пяць яны падгінділіся як харты». Не понадобилось ксендзам ехать на воды «жир снимать».

Для того чтобы более метко и ощутимее поразить объект сатиры (в данном случае духовенство), в сказках используются такие комические ситуации, с помощью которых мастерски срывается маска с проповедников религиозной морали и обнажается фальшь и лицемерие. Беспощаден смех в сказках, посвященных разоблачению аморального облика духовенства. Сатира в этих произведениях является особенно резкой. Так, в сказке «Новый черт» поп, которого застают у своей жены мужик, прячется в бочку. Обнаружив там «священнослужителя», мужик обертывает бочку одеялом, обвязывает веревкой и везет на базар. В дороге поп «так абмараўся,—говорится в сказке,—так у кудлы набілася пер'я, што саўсім стаў пахож на чорта». Важным моментом в сказке является публичное осмеяние попа, когда крестьянин выпускает его из бочки, а в это время вокруг телеги собралось много людей, в том числе попов и панов. Вот здесь и предстает поп в своем омерзительном виде: «Зірнуць людзі, аж гэта якась страшыдла: высокі, худы, з доўгімі кудламі да з вялізнаю барадой, цыглаты, у

вадной сарочцы без парток да так умазаўся да ўкачаўся ў пер'е, што рыхтык чорт».

Такая обрисовка портрета в момент острейшей комической ситуации — одна из важных особенностей народной сатиры, которая беспощадно и метко разила и духовенство и церковь, разоблачала не только священнослужителей, но и веру в то «священное» учение, которое они проповедовали.

Не менее важное место в сборниках Сержпутовского занимают произведения, в которых критикуется вера в бога, святых и «священное писание», разоблачается реакционная сущность религии.

Ценные материалы, отображающие представления белорусских крестьян о боге, небе, природе и т. п., а также их мировоззрение, своеобразие языка и быта помещены в сборнике «Суеверия и предрассудки белорусов-полешуков», в который вошло около 2500 записей, сделанных Сержпутовским южнее Слуцка, главным образом в деревне Чудино, почти за 40 лет.

Значительное место отводится в книге материалам, которые отражают суеверные представления крестьян о сотворении мира, человека, о лихих духах, сверхъестественных существах и т. п. Эти материалы свидетельствуют о темноте и забитости людей тогдашней деревни, о распространении в народных массах религиозных заблуждений. Не случайно в письме М. Горькому в 1913 г. В. И. Ленин указывал, что «народное понятие о боженке и божецком есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как

«народное представление» о царе, о лешем...»¹.

Вместе с тем фольклорные материалы позволяют сделать вывод, что народные массы были бессознательно, стихийно убеждены в материальности и объективности мира, в чем большую роль сыграл их огромный жизненный опыт. «Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще», — подчеркивал В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм»².

Противоречия во взглядах и представлениях крестьян сказались и на идейном содержании фольклорных произведений. Рядом со сказками, легендами, рассказами и другими произведениями, отразившими религиозно-идеалистические представления о происхождении мира, человека, о загробной жизни и т. п., бытовало много произведений, в которых отражены атеистические настроения трудящихся масс. Своеобразные стихийно-материалистические представления вырисовываются даже в тех белорусских народных произведениях, герои которых действуют на небе или в пекле.

Остроумный юмор, например сказки «Небо и пекло», наносит меткий удар по религи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 94.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 57.

озным вымыслам о рае и аде, которыми утешали и пугали верующих церковники. Сказка направлена против церковного учения о райской загробной жизни, цель которого — отвлечь трудящихся от классовой борьбы на земле. «Надо ли говорить о том, что «рай» — очень глупая выдумка жрецов и «отцов» церкви, — писал М. Горький, — выдумка, назначение которой заплатить людям за адовы мучения на земле мыльным пузырем надежды на отдых в другом месте? Кроме этого, рассчитывается, что мечта о райском благополучении в небесах несколько затемнит и даже погасит в глазах бедняков соблазнительно-радужный блеск жизни богатых на земле»¹.

Учению церкви о всеильном, всевидящем, милостивом и справедливом боге народ противопоставил ряд произведений, развенчивающих церковные понятия («Аист», «Как Христос учил людей»).

Не идеальными, а завистливыми, мстительными, несправедливыми и злыми предстают образы святых в сказках и легендах, записанных Сержпутовским. Пьяница, персонаж одноименной сказки, хочет пройти в рай и так высмеивает евангелиста Иоана, который не пускает его в царство небесное: «От і бачно, якая ў цябе праўда. Ты сам напісаў, што калі будзеш стукаць, та адчыняць, а калі станеш шукаць, та знайдзеш. Я от ужэ мо паўгадзіны грукаюся, а ты ўсё не адчыняеш... Дак от як ты нашага брата ашукоўваеш».

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 25, стр. 75.

Фантастика легенды «Кому грех, а кому нет» заносит персонажей евангельских мифов Иисуса Христа и апостола Петра на белорусскую землю, где последний ворует, а бог его оправдывает. Легенда развенчивает навеянные церковью представления о боге и святых и приобретает в связи с этим атеистическое звучание.

Антирелигиозное значение приобретали также сказки и рассказы, в которых раскрывалось мошенничество церковников в устройстве чудес. Народные произведения показывают, что всякие «чудеса» делаются руками людей, а не волею сверхъестественных сил. Не Иисус Христос, как думает персонаж рассказа «Дворянин», дает деньги, а костельный слуга по приказу ксендза; не ангел, а мужик создает движение горящих свечек, поприклеивав их к ракам и пустив последних под окно ксендза, рассчитывающего попасть в рай, но попавшего в свинарник («Мужик, пан и ксендз»).

«Техника» создания чудес метко разоблачается в рассказе «Проща». «Чудо» создается трактирщиком по сговору с попом очень просто: трактирщик покупает икону, ложит ее на доску, ставит возле иконы свечки и пускает в реку по течению. Одураченные же люди верят в чудо. «И славится та проща на весь мир»,—говорится в рассказе. Близок по содержанию к этому произведению рассказ «Камень «чудесный». В нем ясно указано, кому же на самом деле приносит пользу проща. «И чтобы вы видели, сколько там собирается пану да ксендзу денег и другого добра—и на

воз не заберешь», — говорится в этом рассказе.

В некоторых народных произведениях, помещенных в сборниках Сержпутовского, подвергаются критике религиозные обряды. В сказке «Святой человек», например, изображается отношение людей к церковным молитвам. Люди меньше всего думают о боге и о содержании молитв, а больше — о повседневных насущных делах: «...пачалі людзі маліцца, але й поп і людзі ўсе думаюць аб том, што бачылі, як ішлі ў цэркаў, пра бога саўсім забылі. Спрэсу ўсе хрысцяцца й моляцца, а думаюць аб другом».

Рассказ «Кальвинский пост» посвящен критике религиозных постов, которым церковь придавала большое значение. 257 дней в году церковь призывает прихожан поститься. Верующие в эти дни обязаны умерщвлять свою греховную плоть, для чего они должны частично или полностью воздерживаться от еды, увеселений, игр и т. п.

Введение постов преследовало цель узаконить и оправдать полуголодное существование простых людей. Но у трудящихся было свое, отрицательное отношение к таким стремлениям церкви, нашедшее отражение в народном творчестве. «Пост—не мост: объехать можно», — говорится в народной пословице. В рассказе «Кальвинский пост» лесной сторож постит поневоле: в доме ничего нет, кроме картофеля.

Атеистическую направленность имели также народные произведения, в которых опровергаются представления о существовании

антипода бога — черта. Церковь не только признает существование черта, но и учит прихожан, что только с помощью священников, которые якобы обладают особыми способностями и магической силой, необходимой для связи с богом, можно спастись от черта. В классовом обществе вера в черта используется для укрепления эксплуататорского строя и оправдания господства одного человека над другим. Великий пролетарский писатель М. Горький писал: «Основная задача всех церквей была одна и та же: внушать бедным холопам, что для них—нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю—дело богоугодное»¹. Однако в фольклорных произведениях народ разоблачает выдумки церковников о существовании черта, он противопоставляет мифическим существам свой разум и силу. Об этом убедительно говорят многие пословицы и поговорки, в которых утверждается превосходство человека: «Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой»; «Собором (т. е. коллективом) и черта поборем». В ряде рассказов и сказок, записанных Сержпутовским, легко побеждает черта крестьянин-музыка (сказка «Музыка и черти»). Умнее черта оказывается полешук, который заставляет его даже работать на себя («Полешук и черт»). Почти всегда в сказках и легендах черт рисуется бессильным, глупым.

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 25, стр. 274.

Вопреки библии в некоторых сказках черт своеобразно «участвует» в создании земли и даже животного мира («Чертово болото»). Такое противопоставление каноническим религиозным мифам народной фантазии вызывало у трудящихся сомнение в истинности «священного писания», согласно которому все сотворил только бог. Сержпутовский записал ряд оригинальных рассказов, в которых подчеркивается, что никаких чертей не существует, а все мифы «очевидцев» о проделках черта—это выдумки суеверных людей («Страх», «Смелый» и др.).

В становлении и развитии материалистического мировоззрения масс и преодолении религиозных суеверий важную роль сыграли народные произведения, разоблачающие вредную сущность знахарства и колдовства, борьба с которыми была особенно важной потому, что вера в них была наиболее стойкой и распространенной.

Вера в знахарство и колдовство имела ту же основу, те же социальные корни, что и религия вообще: классовый гнет, относительное бессилие человека перед стихийными силами природы. Официальная религия своими утешениями о лучшей загробной жизни «за страдания» в этом мире не могла удовлетворить трудящихся, которые стремились улучшить свое положение и жизнь на земле. Знахари как раз и обещали «помочь» человеку в беде здесь, не утешая раем в потустороннем мире.

Нищета и несправедливость, сплошная безграмотность и невежество, отсутствие медицин-

ской помощи и т. п. были важными причинами устойчивости этих форм религиозных верований. К тому же вера в сверхъестественные способности знахарей и колдунов поддерживалась еще и тем, что последние в своих корыстных целях использовали рациональные средства народной медицины, при помощи которых, хотя и редко, но излечивали людей и животных от болезней. Суеверные люди не понимали истинных причин выздоровления и относили все за счет связи знахаря со сверхъестественными силами. К знахарю иногда обращались, чтобы помочь отомстить богачу, который не рассчитался с батраком, излечить от пьянства мужа, отыскать уворованное и т. п. И поэтому нельзя переоценить значение народных произведений, разоблачающих истинную сущность этих верований. Большой заслугой Сержпутовского является то, что он больше, чем другие фольклористы, уделил внимания записи произведений, направленных против знахарства и колдовства. Особенно ярко и метко разоблачается знахарство в рассказах «Заломка», «Отрабляние», «Шептуха».

Рассказ «Заломка» направлен против веры во вредность «заломов», т. е. пучков колосов, связанных в узел с целью принести беду хозяевам поля. Чтобы обезвредить заломку, иногда приглашали знахаря, который с помощью заговоров и других церемоний уничтожал заколдованное.

В рассказе повествуется, как ведьмар, которого все боялись в деревне, оказался бесильным в борьбе против человека, раскрыв-

шего его обман. Человек, походивший по разным местам, сделал залом и пригласил ведьмара якобы для того, чтобы обезвредить колдовство. И когда колдун разделся и мастерски начал представлять, как тяжело вырвать заломку, человек сел верхом на него и так отлупил, что последний стал просить пощады, а потом «усхапіўся гад, забыў й сарочку і нагавіцы да так і сунуў наўцекача». В рассказе опровергаются представления о том, что знахари и колдуны обладают какими-то сверхъестественными способностями, разоблачается вред знахарства и колдовства.

Лживая, мошенническая сущность знахарства отображена и в рассказе «Отрабляние», в котором колдун-ведьмар предстает не только как обманщик, но и как злостный преступник. Глубокой ночью, когда все спят, знахарь забирается в чужие сараи и душит скот. Не зная истинных причин падежа скота, крестьяне думают, что животные погибают от колдовства. Люди обращаются за помощью к знахарю, чтобы он расколдовал и отомстил виновнику. Вот он и «колдует» за определенную плату. Омерзительный облик колдуна изображен в рассказе с большим мастерством. Ведьмар сравнивается с «лихой скулой», с волком, котом, попом. Как и в рассказе «Заломка», колдуна-знахаря жестоко избивают, поймав его за «отраблянием». В рассказе отражено отношение народа к знахарю как к преступнику: «Але жывуч гад, як кот,— паляжаў трохі без памяці, а потым і ачухаўся, дастаў з кішэні бутэлечку гарэлкі да як пацягнуў, дак і на ногі падняўся. Бачыць, што яго

выкінулі за плот, як сцерву, от ён ціхенька й папоўз у сувараты».

В рассказе «Шептуха» знахарству учит старуху пан, который как бы передает ей свой богатый опыт обмана трудящихся:

«От як пазавуць цябе к хвораму, та ты пахукай трэйка на яго да й шапчы — сіголаў жыў, сіголаў не. Пашапчы о гэ трохі, дай яму выпіць вады, та ён і паправіцца. А калі памрэ, та сіголаў яго бяры. От за тое цябе будуць карміць і паважаць».

И на самом деле пошла слава о бабке «по всему свету», что хорошо лечит людей и отгадывает. «Спасает» баба и самого пана, когда его едва не задушил нарыв. Услышал он, что шепчет бабка, узнал ее, рассмеялся, а нарыв и прорвался.

Беспощадное сатирическое разоблачение реакционной сущности знахарства в народно-поэтических произведениях — яркое свидетельство того, что уже в дореволюционное время у белорусских трудящихся были широко распространены идеи, направленные против веры в разные предрассудки и суеверия. Эти народные произведения подрывали основы очень живучих верований, вследствие чего значение таких рассказов было огромно, поскольку они нацеливали людей против колдунов и знахарей, отвлекавших трудящихся от активной классовой борьбы.

В многочисленных устнопоэтических произведениях, записанных Сержпутовским, отражено стремление людей труда к борьбе против всего порочного, за высокие морально-этические принципы. В них беспощадно вы-

сменяется разврат, лицемерие, жадность, воровство, лень, обман и т. п. Носителями этих черт и качеств чаще всего в народных произведениях являются помещики, попы, ксендзы, богачи. Однако народ не щадит ленивых и нерадивых крестьян (рассказ «Пусть»), завистливых и скупых хозяев («Завистливый богач», «Соседское дело»), бранчливых и строптивых жен («Вода помогла», «Строптивая баба»), непочтительных и неуважительных сыновей («Кузьма») и т. п.

Эпиграфом к рассказу «Кузьма» взята поговорка «На свече ўсяго наживеш і Кузьму бацькам назавеш». В поговорке отражен основной смысл рассказа: человек должен почитать своих родителей. Непочтительный сын в рассказе не слушается отца, покрикивает на него, никогда не называет «бацькам», но вынужден вежливо обратиться к отцу в беде. Народ обличает не только людей, без уважения относящихся к родителям, но и тех отцов и матерей, которые неправильно воспитывают сынов и дочерей, не учат их почитать старших по возрасту.

В некоторых сказках и рассказах, помещенных в сборниках Сержпутовского, разоблачается антигуманистическая мораль капиталистического общества, отстаивается и утверждается добро и справедливость. Среди произведений на эту тему выделяется сказка «За доброе злом заплатата», в основе которой лежит острый социальный конфликт. В сказке осуждается вероломство и несправедливость, господствующие в антагонистическом обществе, для которого характерны вражда и не-

доверие друг к другу, издевательства сильного над слабым и т. п. Под влиянием волчьей морали классового общества развиваются порочные качества и у ранее хорошего человека, до этого не способного обманывать и совершать злые поступки. Мужик освобождает из ловушки волка, так как «и врага в беде жалко». Но волк отвечает неблагодарностью: хочет съесть человека, спасшего ему жизнь. В образе волка аллегорически воплощен социальный общественный тип, который является приверженцем морали с господствующим принципом: «за доброе злом заплата». В том, что такой принцип действует, мужик легко убеждается при встрече со слепой кобылой, старой собакой, которых хозяева ранее любили, когда те были молодые и здоровые, а теперь выгнали. Мужика спасает лиса: она просит волка показать, как его освободили из ловушки. А когда волк опять залез в ловушку, мужик убивает не только его, но и свою спасительницу лису. В сказке осуждается антигуманистическая волчья мораль. Такая мораль чужда человеку, живущему за счет своего труда, ненавидящему обман и борющемуся за справедливость и освобождение от классового гнета.

Фольклорные произведения, записанные Сержпутовским, отражают богатые эстетические запросы народа. Ведь только тот может создать сказку о красоте и большой силе воздействия музыки, кто сам глубоко чувствует ее душой и сердцем. О большой силе воздействия на трудящихся музыки говорится в сказке «Музыка и черти». Заиграет Музыка — ге-

рой сказки — и кажется, что «якаясь слодыч улілася ім у сэрца, а якаясь сіла ўхваціла на плечы й нясе ўсе ўгору, й угору, к ясным зоркам, у чыстае неба, у чыстае, сіняе, шырокае неба. Сядзяць яны, нічога не думаюць, забыліся, што рукі і ногі млеюць ад цяжкае работы, што ў жываце бурчыць ад голаду. Сядзяць і ўсе слухаюць. І хацелася б ім сядзець гэтак усё жыццё й усё слухаць, як грае Музыка». Пожалуй, нет ни одного произведения в фольклоре славянских народов, где бы столько внимания уделялось психологизму, показу чувств, переживаний людей. Музыка обладает такой огромной силой воздействия, что способна вызывать радость и горечь, вселять надежды на лучшее будущее. Как только заиграет Музыка жалобно — «заплачут і лес і дуброва, набяжыць хмарка, й з неба слёзкі так і палюцца. Ідуць позна да гасподы мужыкі і бабы, учуюць тую музыку, стануць, слухаюць, плачуць». А когда заиграет Музыка веселое — «пакідаюць мужыкі й бабы косы, граблі, вілы, гаршкі й біклагі, возьмуцца ў бокі й давай скакаць. Скачуць малыя дзеці, скачуць коні, скачуць кусты й лес, скачуць зоркі, скачуць хмаркі — усё скача й смяецца».

В сказке очень хорошо отражены народные эстетические взгляды на искусство как на оружие в борьбе со всяким злом. Музыка в сказке — средство, с помощью которого человек одерживает победу над враждебными сверхъестественными силами: заиграл Музыка — и все «пекла разляцелася» ў щэпкі, а чэрці разбегліся па ўсяму свету». Сказка «Музыка и черти» не единая в сборниках Сержпутовско-

го, где народ выражает свое отношение к искусству. В сказке «Цыган-музыка», например, когда заиграет скрипка, «душа с телом растается», затихает лес, цветы, «небо плачет, слезы льются». В этой же сказке народ критикует и тех музыкантов, которые за деньги готовы продать свое искусство враждебным человеку силам.

Из сказок и рассказов, записанных Сержпутовским, можно сделать вывод о том, как глубоко понимает белорусский крестьянин прекрасное, которое он тесно связывает с практической жизнью людей («Красота — сила»). Больше того, в рассказе «Девушка» утверждается, что прекрасное в жизни — важное средство воспитания человека. Разбойники, которые убили мать и отца главной героини рассказа — девушки, а также уничтожили всех жителей деревни, впервые раскаялись в содеянном, глубоко поняв горе сироты, когда она плакала и причитала:

«Ой, матачка ж мая зязюлечка, на каго ж ты мяне пакінула? Ці ж цябе звер задраў, ці цябе ліхі чалавек забіў? Ох, бацюхна родненькі, саколе мой ясны, чаму ж ты маўчыш, нічога не адмаўляеш, мяне сірату не прыгалубіш? На каго ж ты мяне пакінуў без ладу, без посабу? Ой, матачка родненькая, хто ж мне галоўку памые, хто ж мне кудзеркі расчэша, хто ж мне коску запляце?..»

Красота девушки не только привлекает внимание людей, но и побуждает их на смелые, героические поступки:

«Қаб яна сказала лезці ў вагонь, та б і ў вагні было б не горяча, а так добра, як у

(раю) небе». Смотрят на девушку крестьяне и кажется им, что «варта мучыцца ўвесь век, каб толькі хаць раз зірнуць у тыя вочкі, што бы сонейка паляць сэрца, паляць, шчыпаюць, але такі даюць слодыч, якога больш няма на свеце. Пазірае дзяўчына, а людзям здаецца, што на свеце ўсё так гожа, так радасна свеціць сонейка, так добра жыць, што лепшага нічога й не трэ».

Подобные примеры дают возможность установить, какую роль отводит народ прекрасному в своем устнопоэтическом творчестве. Критерием прекрасного в народных произведениях является утверждение благородства человека в его поступках и действиях, борьбы за свободу, правду и справедливость.

Разделяя взгляды народа на прекрасное, Сержпутовский бережно собирал произведения, в которых нашли отражение эстетические воззрения трудящихся. Изучая репертуар талантливых сказочников, он заметил, что в свои рассказы они «вносят личные черты — передают рассказ под углом зрения своего мирозерцания». Следовательно, в собранных ученым произведениях отражено в значительной степени мировоззрение белорусского народа XIX — начала XX ст., когда эти произведения были записаны.

* * *

В отличие от произведений, записанных и опубликованных другими фольклористами, сказки и рассказы Сержпутовского характеризуются более острым социальным содержанием и высокой художественностью. Однако

не все произведения, вошедшие в сборники Сержпутовского, можно назвать народными. В некоторых из них отражаются не свойственные широким народным массам, а только очень небольшой части людей пессимистические настроения и религиозные взгляды («Бэч рыж», «В пятницу не смейся, а в воскресенье не плачь» и др.). Однако подобных произведений не так много. Причем и к анализу и оценке их необходимо подходить строго исторически.

Язык сказок и рассказов Сержпутовского очень выразительный, четкий, меткий и ясный. Не случайно некоторые исследователи подчеркивают, что народные произведения всегда были живым источником для творчества многих белорусских писателей. Важную роль в сказках и рассказах играют народные пословицы и поговорки. Например, в сказке «Поп и пустынный» священник, один из главных персонажей, лучше всего характеризуется пословицами: «Каму клапатно, а папу палатно»; «Поп служыць не дзеля Ісуса, а дзеля хлеба куса»; «Людзі паміраюць — сям'я плача, толькі поп да дзяк пяе да скача».

Пейзажные зарисовки в белорусских сказках и рассказах, записанных Сержпутовским, очень красочные, образные и вообще высокохудожественные. В них употреблены выразительные эпитеты, меткие сравнения, оригинальные метафоры. При этом пейзажные зарисовки бывают довольно обстоятельными, как, например, в сказке «Бортник».

«Было вельмі лагоднае надвор'е: от так павядзі языком — бы мёд. Гэта ўжо якась па вясне перад летам. Ведама,—пагода харо-

шая, сонейка ззяе, аб ночы прайшоў цёплы дожджык, зямля выкупалася, напілася вады — усе расце, бы на дрожджах. От так прылажы вуха к траве, дак і чуваць, як яна расце. А кветкі цвітуць, бы жар гарыць. Ад іх так цяплом і пыша, й такі пах ідзе, што от усё б нюхаў і ніколі б не нанюхаўся. З рана выпала мядовая раса да й разлілася па кветках, па траве й па зямлі, быццам узяў хто да сытою й апырскаў усю зямлю. Сонейка паднялося ўгору да так прыгрэла, што з зямлі аж пара клубам пашла, паваліла, бы з гаршка. А сонейка ўсё грэе, усё пячэ. Куды ні глянь — усё блішчыць, палыскуецца да так і трасецца, бы гаршчок у печы, як у ём кіпіць вада».

Даже в сборнике «Суеверия и предрассудки белорусов-полешуков», в котором фольклорные произведения занимают значительно меньшее место, чем в других сборниках, пейзажные картины настолько красочны, что они несколько не уступают литературным. Мы отчетливо представляем себе так талантливо изображенные картины: тучи «мітусяцца», облака «таўкуцца», молния крошит да рвет их на куски, небо горит «бы ў гуце» лес «гамоніць» и «схіляецца чуць не да зямлі, трашчыць да стогне», земля «спалохалася», схавалася пад расліну, ляжыць ціхенька й не дыша»¹.

Уже наш далеко не полный обзор собранных Сержпутовским белорусских народных сказок и рассказов дает возможность представить, какой важный подвиг совершил уче-

¹ А. Сержпутоўскі. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў, стр. 10.

ный, какое бесценное богатство собрал он по крупинкам в народе. И главное в этом подвиге то, что ученый записывал народные произведения сам, поэтому записи сделаны им более квалифицированно, чем, например, многими корреспондентами П. В. Шейна. Умение отыскать замечательного сказочника, не считаясь с трудностями и временем, прекрасное владение методикой записи фольклорных произведений, любовь к родному белорусскому слову и его носителю — талантливому трудовому народу — все это обусловило публикацию таких высокохудожественных сказок и рассказов, равных которым нелегко найти в сборниках других белорусских фольклористов.

* * *

Мало кто знает, что Сержпутовский, очень увлекаясь собиранием белорусских пословиц и поговорок, сам знал их бесчисленное количество и, как настоящий полешук, метко пересыпал ими свою чрезвычайно образную речь.

В 1908 г. Сержпутовский подготовил сборник белорусских пословиц со словарем. По представлению Отделения этнографии Русского географического общества за рукопись «Белорусские пословицы» со словарем А. К. Сержпутовскому была присуждена малая золотая медаль¹.

¹ Известия Императорского русского географического общества, т. 4—6. СПб., 1909, стр. 1—2.

В своем отзыве Д. К. Зеленин писал, что сборник белорусских пословиц и поговорок Сержпутовского состоит из 260, а словарь — из 158 страниц рукописи. В него включено 6225 пословиц, поговорок, метких изречений и т. п. «Данный труд, — отмечал рецензент, — является самым полным из существующих собраний белорусских пословиц»¹.

Зеленин касается и недостатков, которых не избежал составитель сборника.

Основной из них заключался в том, что размещение пословиц и поговорок шло в алфавитном порядке по начальной букве их первого слова.

Положительную оценку дает Зеленин также и словарю Сержпутовского, считая его лучшим из всех изданных до того времени. К сожалению, обнаружить словарь, как и первый вариант сборника пословиц, в архивах до этого времени не удалось. Мы имели возможность познакомиться только с переработанным и дополненным сборником белорусских пословиц и поговорок.

Рукопись сборника находится в архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора.

К этому экземпляру сборника приложены титульный лист, на котором указано заглавие «Пословицы и поговорки белорусов», и предисловие, написанное рукой собирателя. На первой странице предисловия стоит белорусский штамп с указанием печатать в количе-

¹ Ученый архив Географического общества СССР, разряд 110, оп. 1, № 306.

стве 500 экземпляров. Однако ни один экземпляр сборника, изданного в 1926 г., найти не удалось. Большой интерес представляет предисловие. В нем отмечается, что собранные Сержпутовским пословицы и изречения записаны им в 1884—1916 гг. в Слуцком Полесье, главным образом в Круговичской волости. Сержпутовский прежде всего дает объяснение, каким путем достигалась точность записей народных произведений. В основу этих записей он положил фонетический принцип, что обусловило их научную ценность.

Собиратель кратко характеризует также местность, где им были записаны пословицы и поговорки.

Исследователь дает высокую оценку речи белоруса, которая, по его наблюдениям, «пестрит пословицами, поговорками, присловиями, изречениями и другими краткими мыслями, усвоенными вместе с родным языком от матери и окружающих лиц»¹.

Сержпутовский подчеркивает, что в пословицах и поговорках отражается самобытность народа, его умственное и нравственное развитие. Вместе с тем исследователь рассматривает развитие белорусского устнопоэтического творчества, особенно пословиц и поговорок, в тесной взаимосвязи с творчеством соседних народов: русского, украинского, польского, литовского.

Сержпутовский отводил большую роль устнопоэтическому творчеству в становлении и развитии мировоззрения народа. Он писал,

¹ Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора, ф. 9, оп. 2, д. 21, стр. VI.

что «под влиянием рассказов, сказок, пословиц и других продуктов устного народного творчества вырабатываются все мировоззрение, вся житейская мудрость и все этические представления темного деревенского люда»¹. Сержпутовский видел в фольклорных произведениях средство, которое противостояло религии. Он отмечал, что «богослужение, «духовно-назидательные поучения» в храмах и чтение книг нередко вносили в понятие белоруса превратные мысли и создавали путаницу в его миросозерцании. Но присущая человеку потребность отыскать ответ на житейские вопросы выработала у крестьянина любовь к произведениям своего родного народного творчества»².

Интересны также мысли Сержпутовского о происхождении пословиц и поговорок. По его мнению, многие из них произошли от сказок, рассказов, преданий, которые подтверждают смысл того или иного краткого изречения. Он утверждает, что некоторые поговорки и пословицы первоначально были меткими фразами, запомнились слушателями, а затем вошли в пословицы. С этим определением полностью согласиться нельзя, так как Сержпутовский не указывает других источников. Нужно не забывать, что главным источником пословиц и поговорок была сама жизнь во всех ее проявлениях (общественная, семейно-бытовая, личная и т. п.). Многие пословицы появились в результате обобщения огромного трудового

¹ АИИЭФ, ф. 9, оп. 2, д. 21, л. VII.

² Там же, л. VIII.

опыта. Однако эти важнейшие источники народного творчества исследователь не называет.

Отпечатанный на ротаторе сборник назван «Хадзячыя сялянскія выслоўя. Матэрыялы да вывучэння беларускае мовы і этнаграфіі». Сборнику предшествует написанное собирателем 4 июля 1929 г. краткое вступление на белорусском языке, в котором указывается, что пословицы, поговорки и изречения собраны в конце XIX в. на протяжении 20 лет в южной половине Слуцкого и северной части Мозырского уездов Минской губернии.

Собранные пословицы, поговорки и изречения Сержпутовский разместил в тематически-предметном порядке, расположив разделы по алфавиту. Внутри разделов алфавитный порядок не соблюдается.

В ряде пословиц и поговорок раздела «Адзінота» и других утверждается, например, большая сила коллектива: «Аднаму і ў кашы не спорна»; «Адзін дасуж, да не дуж»; «У гурце нішто не страшна»; «Моцны статак чарадою, а людзі грамадою»; «Дружна й горы раўняюць».

Многие пословицы из раздела «Беда» отражают бедственное положение крестьян, которые в большинстве своем жили в голоде, холоде и радовались иногда даже лебеде. «Не бяда, калі ёсць лебядя»; «То не бяда, што ў жыце лебядя, — няма гарэй бяды, як ні жыта, ні лебяды»; «Адна бяда не ходзіць, другую з сабою водзіць»; «Ад ліха ні адхрысцішся, ні адпросішся»; «Бяда бы дуда: пачне дуць, аж слёзы бягуць». Даже в некоторых из этих бе-

лорусских пословиц отражается вера народа в лучшее будущее, его оптимизм. «Очень важно отметить,— подчеркивал М. Горький,— что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна»¹.

Пословицы, поговорки и изречения из сборника Сержпутовского широко отразили разнообразные стороны жизни деревни — все то, что связывает крестьянина с основным видом занятий — земледелием. «Без дагляду зямля — круглая сірата»; «Як сеецца, так і веецца»; «Дзе гаспадар ходзіць, там жыта родзіць»; «Што пасееш, то й пажнеш»; «Не раса родзіць, а пот», — гласит народная мудрость.

В разделе «Земледелие» приводится много пословиц и поговорок, которые отражают народные приметы: «Мокрый май — жыта як гай»; «Пасееш за пагоду, больш прыплоду»; «Жыта сей на канаплянішчы, та не пашкадуеш»; «Хлеб на хлеб сеяць — ні малаціць, ні веяць»; «Калі суніца чырванее, не сей проса — не паспее»; «Трэба гарох сеяць пад саху» и др.

Важно заметить, что критика пороков и недостатков людей в некоторых пословицах и поговорках носит классовый социальный характер. Например, в пословицах, осуждающих воровство, оправдываются люди, которые крадут у помещика: «То не злодзей, што ў пана крадзе».

¹ М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 450.

С большой социальной остротой в пословицах и поговорках осмеиваются представители эксплуататорских классов. В злой, бичующей сатире на помещиков проявилась ненависть трудящихся к своим угнетателям: «Пан — саломаю напхан»; «Паніч — свіны лыч»; «Пан шалёны як сабака, а ты яму службы небарака» и т. д.

Созданные еще в период крепостного права и в первые пореформенные годы некоторые пословицы и поговорки отражают жестокость помещиков: «Чорт душу выме, а пан шкуру здыме»; «Панская ласка па парог»; «Пана на шыбеніцу вядуць, а мужык шапку здымай, бо як атарвецца, та адрыгнецца».

Русской пословице «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу», отразившей рост классового сознания трудящихся, соответствует белорусская «Хвалі каняку пасля дарогі, а пана, як выцягнуць за ногі».

Остро высмеиваются в пословицах и поговорках служители церкви. Как и в сказках, здесь поп жаден и скуп, сластолюбив и лицемерен. «У папа вочы завідушчыя, а рукі заграбушчыя»; «Галасі, не галасі, а папова аддай, аддасі»; «Радзіся, хрысціся, жаніся, памірай — за ўсё грошы аддай» (папу); «Не для Ісуса, а для хлеба куса» и т. п.

В многочисленных пословицах, поговорках и метких изречениях сборника так же ярко, как и в сказках предыдущих книг Сержпутовского, звучат антирелигиозные мотивы, отражается истинное отношение трудящихся к религии и церкви. Не случайно А. И. Герцен в статье «Россия», основываясь на анализе пословиц,

сделал вывод, что «множество пословиц свидетельствует о безразличии русских к религии»¹. Пословицу «годится — молиться, не годится — горшки покрывать» использовал В. Г. Белинский в «Письме к Гоголю», чтобы опровергнуть ложное мнение о религиозности русского народа².

Среди пословиц, поговорок и изречений Сержпутовский поместил и небольшую сатирическую пародию на молитву «Отче наш»: «Воччэ наш! бацько ваш курэй краў, пад печ хаваў, дзеці казалі, бацьку звязалі». Пародия развенчивала священность слов молитвы, будто бы завещанной самим богом. В сборнике помещены также 21 загадка, приветствия, проклены и т. п.

Вместе с тем следует отметить, что в сборнике не все материалы равноценны как в идейном, так и в художественном отношении. Сержпутовский стремился записывать все, что бытовало в народе. Поэтому в сборнике наряду с материалами истинно народными, отражающими мысли, надежды и чаяния трудящихся масс, помещены и материалы реакционные, антинародные по своему содержанию. Многие из консервативных по смыслу произведений были порождены противоречиями в мировоззрении крестьянских масс, отсталостью их сознания.

Противоречивы, например, материалы, посвященные женщине. В сборник вошло много

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 6. М., 1955, стр. 211.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955, стр. 566.

пословиц и поговорок, бытующих в народе под влиянием церкви и самодержавного строя. Консервативные по содержанию, эти пословицы, поговорки и изречения оскорбляют и унижают женщину, ставят ее в неравноправное положение с мужчиной. Очень мало помещено материалов, раскрывающих действительную роль женщины в семье и обществе.

Разноречивы материалы, отражающие взгляды крестьян на женитьбу. С одной стороны: «Лепей у пяску гніць, чым з нялюбым жыць»; с другой — «Хоць за старца, абы ў дзеўках не астацца».

Некоторые пословицы и поговорки призывали к покорности, угодливости, что соответствовало стремлениям церкви и господствующих классов («Ад паклону галава не баліць»; «З мужыка ніколі не будзе пана»; «Пан панам, а мужык мужыком на векі вяком»).

Сержпутовский собирал не только сказки, рассказы, легенды, пословицы, поговорки, загадки, но и народные произведения других жанров. В архиве Государственного музея этнографии народов СССР сохранилось много записанных им песен, стихов (в том числе и написанных самим Сержпутовским, но далеко не совершенных). Среди них значительное место занимают календарно- и семейно-обрядовые песни.

* * *

С глубокой любовью относился Сержпутовский к изучению родного белорусского языка. Свои наблюдения над особенностями говоров

нашего народа он стремился обобщить и изложить в специальных трудах, предисловиях к сборникам и отчетах о своих поездках в экспедиции.

В 1911 г. Сержпутовский опубликовал «Грамматический очерк белорусского наречия деревни Чудина Слуцкого уезда Минской губернии». В очерке рассматриваются фонетические, морфологические и синтаксические особенности исследуемого им говора. Свои обобщения и выводы Сержпутовский иллюстрирует многочисленными примерами. Особенно много примеров в разделах, где он рассматривает специфику произношения и употребления гласных и согласных звуков, а также ударение в словах.

Образование слов с помощью суффиксов, особенности склонения существительных и других частей речи, спряжение глаголов и особенности синтаксиса автор рассматривает в сравнении с соответствующими категориями, формами и конструкциями русского языка. В конце очерка в качестве примеров помещены материалы для словаря и сказка «Бусел».

Однако в очерке отмечаются только некоторые грамматические особенности говора белорусов-полешуков.

Замечания о фонетических особенностях речи белорусского населения Полесья в южной части Слуцкого и северной части Мозырского уездов сделаны Сержпутовским в предисловии к сборнику «Сказки и рассказы белорусов-полешуков». Сержпутовский сообщает об особенностях произношения некоторых согласных и гласных звуков и их обозначении. Им рассмат-

риваются также дифтонги, неслоговое *й*, сочетания звуков *дз* и *дж*.

Характеристика некоторых местных говоров Гомельской губернии дана Сержпутовским в его «Отчете о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году». Исследователь отмечает дзеканье и цеканье, смешение *ч* и *ц*, употребление *й* вместо *л* в русском языке и т. п. Сообщения лексико-этимологического характера приводятся Сержпутовским в ряде этнографических работ.

В конце 1918— начале 1919 г. А. К. Сержпутовский завершает работу по составлению «Краткого словаря белорусского детского языка» и представляет его Отделению русского языка и словесности Академии наук с просьбой об опубликовании. 20 января 1919 г. отделение выносит постановление о напечатании словаря в «Сборнике» под наблюдением Е. Ф. Карского. Однако рукопись не была опубликована и дальнейшая судьба ее неизвестна.

Свои глубокие знания не только в области этнографии, фольклористики, но и диалектологии Сержпутовский выявил также в ряде рецензий. Например, в рецензии на сборник белорусских народных песен, собранных С. Малевичем, дав общую оценку книге, он указывал на многочисленные неточности в словаре.

Сержпутовский всегда интересовался проблемами формирования и развития белорусской орфографической системы. В 1926 г. он принял активное участие в академической конференции по реформе белорусского правописания.

Неутомимая научная деятельность, кипучая энергия, прогрессивные взгляды в сочетании с беспредельной любовью к своему народу позволили А. К. Сержпутовскому стать в первые ряды лучших представителей отечественной этнографической науки. Им написано много работ, в которых освещены разнообразные стороны материальной и духовной культуры белорусов Полесья. Ученым собраны богатые этнографические коллекции. Этнографические исследования Сержпутовского и собранные им материалы являются ценными источниками для советских ученых, изучающих быт и культуру белорусского народа.

Настоящим подвигом можно назвать также собирательскую и исследовательскую работу Сержпутовского в области фольклористики. В мрачные годы господства царизма, в период засилья цензуры и реакции им были опубликованы замечательные народнопоэтические произведения, в которых ярко обличается самодержавно-эксплуататорский строй, раскрывается социальная несправедливость, разоблачается паразитизм помещиков и чиновников, попов и ксендзов.

Этнографические и фольклорные работы Сержпутовского раскрывали глаза читателям на безмерно тяжелое положение трудящихся масс. Лучшие фольклорные произведения, опубликованные Сержпутовским в 1911 г., звали народ к борьбе за освобождение от ига тирании и буржуазно-помещичьей эксплуатации. Этнографические и фольклорные работы Серж-

путовского не утратили своей познавательной научной ценности и до сих пор.

Важным и ценным научно-исследовательским источником для ученых-лингвистов являются отдельные работы Сержпутовского в области языкознания, все его сборники фольклорных материалов, дающие возможность изучать фонетические, морфологические, синтаксические, лексические и стилистические особенности белорусских говоров.

Опубликованные Сержпутовским белорусские народные сказки и рассказы послужили своеобразным источником для создания литературных произведений. Плодотворным оказалось, например, влияние белорусских народных сказок на творчество З. Бядули («Полесские басни», «Соловей») и других поэтов и писателей Белоруссии.

Александр Казимирович Сержпутовский всю свою жизнь посвятил благородному делу — изучению жизни, быта и творчества трудового народа. Его работы по этнографии, фольклору и языкознанию являются ценным вкладом в сокровищницу белорусской науки.

О г л а в л е н и е

Введение	3
Служитель науки	14
С любовью к быту родного Полесья	40
Из глубин народной мудрости	58

Бондарчик Василий Кириллович
Федосик Анатолий Семенович

А. Н. С е р ж п у т о в с к и й

Издательство «Наука и техника»,
Минск, Ленинский проспект, 68.
Редактор А. Крушинский, художественный редактор Л. Усачев, техн. редактор Г. Максимова, корректор А. Хоревская.

АТ 04537. Сдано в набор 29/VIII-1966 г. Подписано в печать 11/XI-66 г. Бум. тип. № 1. Формат 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 4,4. Уч.-изд. л. 4,2. Изд. зак. 53. Тип. зак. 845. Тираж 1200 экз. Цена 13 к. Типография издательства «Наука и техника», Минск, Ленинский проспект, 68.